

Мария Геррер

няня
с

БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

Мария Геррер

Няня с большой дороги

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67236618

Мария Геррер Няня с большой дороги:

Аннотация

Анастасия: Никогда не думала, что начну работать няней у детей моего злейшего врага. Этот заносчивый сноб и самовлюбленный эгоист считает, что миллиардерам все можно. Не знаю, кого надо сначала перевоспитывать – детей или их папашу?

Стас: Даже в кошмарном сне не мог представить, что мои дети выберут себе в няни взбалмошную девицу, которая портит мне жизнь всеми возможными способами. Настоящая разбойница с большой дороги. Однако меня влечет к ней как магнитом...

Содержание

Глава 1. Стас	5
Глава 2. Стас	15
Глава 3. Анастасия	25
Глава 4. Анастасия	37
Глава 5. Стас	46
Глава 6. Стас	59
Глава 7. Стас	67
Глава 8. Анастасия	76
Глава 9. Анастасия	85
Глава 10. Анастасия	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Мария Геррер

Няня с большой дороги

Жанры: современный любовный роман, юмор, женский роман

Теги: отец-одиночка, неунывающая героиня, миллиардер

Возрастное ограничение: 16+

* * *

Глава 1. Стас

Она стояла напротив меня, гордо вскинув голову и презрительно глядя мне в глаза. Гибкая как тростинка, сердитая, смешная. Каштановые волосы забраны на макушке в подобие небольшого вороньего гнезда. Одета в несуразное платье блеклого серо-зеленого цвета. На ногах тяжелые военные берцы. Натуральная разбойница.

Но фигура отличная, такие приятные округлости, просто глаз не оторвать. На взгляд лет двадцать шесть – двадцать восемь. Лицо симпатичное – тонкие черты, кожа как фарфоровая. Пожалуй, если ее приодеть, получится очень интересная девушка. Жаль, ей это не надо. Она протестом занята. Лучше бы на свидание пошла. Так нет, ей справедливость подавай!

– Может, прекратите балаган? – с надеждой спросил ее.

Ответ уже знал. Такие, как она, не сдаются. Фанатичка, что с нее взять?

– Мы не уйдем, даже не надейтесь! Вы уничтожаете историю города. Мы не позволим снести особняк, – она сердито тряхнула головой и метнула в меня пару молний из темных глаз. – Виталий Викторович сейчас привезет письмо из Министерства культуры. Вам запретят творить беззаконие.

Этого я и опасался. Виталий Викторович Иванов – заведующий кафедрой архитектуры Политехнического институ-

та. Мы с ним давние знакомые и оппоненты. Дай ему волю, он бы не позволил снести ни один сарай в нашем городе.

Естественно, он грудью встал на защиту очередной развлюхи. Вокруг дома давно шли дебаты. Историки и архитекторы требовали его сохранить. Разумные люди мечтали построить на его месте современный торгово-офисный центр.

Моя фирма должна была для начала демонтировать эти руины. А потом приступить к строительству. Очень выгодный заказ. А тут какая-то взбалмошная девица пытается мне помешать.

Ее сторонники стояли живой цепью, взявшись за руки и не давая тяжелой технике приблизиться к пошарпанному одноэтажному дому.

– Историю сохраним! Сохраним историю! – скандировали они.

– И что делать? – спросил меня прораб.

– Сносить, – кивнул я. – Направляйте технику к дому, эти товарищи разбегутся как тараканы, уж поверьте моему опыту. Все разрешения подписаны, мы ничего не нарушаем. Вперед!

– А если Иванов привезет письмо?

– Вот и поспешите. К тому моменту, как он его привезет, эту халупу надо обрушить. Чего ждете? Быстро, быстро!

Загрохотали бульдозеры и экскаваторы. Зловеще залязгали металлические гусеницы. Техника пошла в атаку.

Как я и ожидал, живая цепочка распалась. Протестующие

разбежались в стороны и продолжили скандировать лозунги уже с безопасного расстояния.

Экскаватор занес ковш для того, чтобы обрушить крышу. Еще немного, и письмо из Министерства опоздает.

Однако я рано радовался.

Сердитая девушка подбежала к дверям дома. Экскаватор вздрогнул и остановился. Его огромный ковш лязгнул и замер. А эта ненормальная стояла прямо под ним. Такая хрупкая, но безрассудно смелая.

Я решительно направился к девице:

– Хватит чудачеств. Поверьте жизненному опыту, нет смысла умирать на руинах. Не время бросаться грудью на экскаватор. Я вызываю полицию, – заявил ей.

– Отлично. А мы ждем представителя из прокуратуры, – усмехнулась она.

Собрался оттащить девушку от дома. Но та оказалась проворной. Как фокусница извлекла откуда-то наручники и пристегнула себя ими к массивной дверной ручке. Наручники были отделаны розовыми перьями. Их обладательница засунула ключ себе за пазуху и гордо посмотрела на меня.

– Все, ждем Иванова и прокуратуру, – победоносно сообщила она мне. – Пока он не придет, я останусь тут.

– А если он не придет, вы тут ночевать будете?

– Он обязательно придет. Но если надо будет, я тут и ночую. Даже не сомневайтесь.

– Девушка, вы вообще соображаете, что делаете? На вас

крыша может упасть в любой момент. Сама, без посторонней помощи. Это же просто развалюха. Зачем она вам сдалась? Какая тут история, какая архитектура? – попытался еще раз урезонить девицу. – Кому она нужна? На этом месте построят современное красивое здание. Оно украсит город.

– Оно лишит город индивидуальности.

– У нас не Москва и не Питер. Это – провинция. А мы стремимся придать ей современный облик.

– Да неужели? А я думаю, вы стремитесь потуже набить свои карманы, и больше ничего.

Мое терпение лопнуло.

– Ну-ка, отстегните наручники, и убирайтесь отсюда.

– И не подумаю.

– Немедленно дайте ключ.

– Только посмейте прикоснуться ко мне. Я расценю это как домогательство.

– Даже не мечтайте. Вы не в моем вкусе. Вы мыслите реалиями позапрошлого века. И выглядите так же. Симпатичная девушка, а похожа на пугало в одежде из бабушкиного сундука. Да еще и изрядно побитое молю.

– А вы – империалист и эксплуататор. И у вас нет ничего святого. Думаете только о прибыли. Плутократ!

Надо же, какие она слова знает. Образованная, однако!

– Вы эти слова из того же бабушкиного сундука достали, что и свое платье? – поинтересовался я.

– Не ваше дело.

Девушка нахохлилась как сердитый воробушек. Волосы взъерошены, щеки покраснелись, глаза горят.

– Да подумайте хоть немного своими куриными мозгами... – мое терпение лопнуло окончательно. Плутократом меня еще никто не обзывал.

Но она прервала меня на полуслове.

– Куриными? Так я, значит, курица? – задохнулась она от возмущения. – Безмозглый баран!

Да, женская логика меня всегда удивляла. Спорить с ней бессмысленно, понять невозможно.

Очень не вовремя зазвонил мобильник. Не хотел отвечать, но он настойчиво трезвонил.

Звонил мой телохранитель Андрей. Что у него стряслось?

– Слушаю, – раздраженно ответил я.

– Станислав Игоревич, пожалуйста, приезжайте, няня Маши ушла.

– Как ушла, куда? – я нанял ее всего два дня назад. Похоже, очередная няня не выдержала. Как же все это некстати. Кошмар какой-то!

– Сказала, что не вернется. Просила ей не звонить, отвечать она не будет. Я не знаю, что делать с детьми. Максима на какое-то время занял, а Маша плачет, успокоить не могу.

Я слышал приглушенный рев дочери. Ее старший брат Максим пытался ей что-то втолковать. Точнее, он просто громко на нее орал.

– А где Елена Павловна?

– Домработница уехала за покупками. Как только няня ушла. Сразу и уехала.

Подозреваю, домработница сделала так нарочно. Она давно предупреждала, что не намерена вести домашнее хозяйство и одновременно быть няней. Даже за дополнительную плату.

– Я с ними не справляюсь, – умоляюще добавил Андрей. – Может, мне их вам на работу привезти?

– Нет, ко мне их привозить не надо. Ни в коем случае, – я с ужасом представил, что начнется на стройке, если помимо взбалмошной девицы тут появятся еще и мои дети. – Освобожусь и сразу приеду. Ты их бабушке звонил?

– Звонил. Она занята.

Моя бывшая теща всегда занята. Ей не до внуков.

– Понятно. Выручи, посиди с ними часа полтора. Маша любит слушать сказки. Почитай ей.

– Попробую, – обреченно произнес Андрей.

Вопли наконец прекратились, и в трубке наступила тишина.

– Максима к ноутбуку не подпускай, – велел я Андрею. – И на планшете играть не давай. Пусть в комнате уберется. Дай-ка ему трубку, я сам скажу.

В мобильнике раздалось недовольное сопение.

– Привет, Максим. К Маше не приставай и не дразни ее. Наведи порядок в своей комнате. Немедленно.

– Привет, па! Я ее не дразню. Она сама плачет. Я убирать

в комнате не буду. Во-первых, ты за это платишь Елене Павловне. Во-вторых, если я уберусь там, то потом ничего не найду, – резонно сообщил мне сын.

– Дело не в том, кому я плачу. Ты должен следить за порядком в комнате сам. Марш к себе, и чтобы к моему приходу все лежало по местам. Кроссовки в стол не пихай, чашки и тарелки отнеси на кухню, – наверняка играл в планшет или торчал около телевизора и ел, знаю я его дурную привычку. – Под кроватью посуду не прячь. Рубашки повесь на вешалки, а не комкай. Приду – проверю.

Сунул айфон в карман. На меня насмешливо смотрела девушка с наручниками.

– Вам бы к детям поехать, а не красоту разрушать, – ехидно заметила она. – Что вы им расскажете об истории города? Что все поносили к едрене-фене? На что будут любоваться ваши дети? На безликие офисные центры, похожие друг на друга как близнецы-братья?

– Где вы тут увидели красоту? – искренне удивился я, указывая на полуразвалившийся дом. – Руины одни. Жалкая рухлядь.

– Сами вы жалкая рухлядь! Это здание построено местным архитектором Титовым в стиле русский модерн. Этот дом можно восстановить. Он прекрасен. Вы только посмотрите на лепнину, на майолику. И вы хотите все это уничтожить? Хотя вы, кроме выгоды, ничего не видите, – сокрушенно вздохнула она.

– Может, он и был красивым. Лет сто назад. А теперь признан аварийным. Еще раз прошу, уйдите подобру-поздорову.

Услышал, как скрипнули тормоза, и оглянулся. У края тротуара начал парковаться потрепанный Опель. Он дернул-ся, заерзал на месте и едва не задел мой Ленд Крузер.

Из него шустро выскочил Иванов. Виталий Викторович был немолод, но полон сил и энергии. Его изрядно поредевшую кудрявую шевелюру припорошила седина. Виталий Викторович победно размахивал над головой бумажкой. Этот господин всегда появляется некстати и портит мне нервы.

– Все, прекращайте работу. Вот приказ Министерства культуры. Дом признан памятником архитектуры. Его сносить нельзя.

– Ну что? – насмешливо посмотрела на меня девица. – Я знала, что правда восторжествует.

Она запустила руку себе за пазуху и торжествующе извлекла ключ от наручников. Я выхватил его и в сердцах забросил в окно треклятого особняка. Пусть поищут среди хлама.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась девушка.

– Беру пример с вас.

– Как я теперь отстегнусь?

– Ну, вы же хотели провести тут побольше времени. Наслаждайтесь. Оцените всю прелесть вашего русского модерна вблизи. И мой вам совет, используйте впредь наручники

по назначению. Вы, как вижу, знаете толк в развлечениях, — я потрогал розовые перья на наручниках. — Вот и занимайтесь этим. А не лезьте под ковш экскаватора. Вы же не камикадзе.

Наручники! Подумать только! Похоже, даже такое чучело может быть востребовано. Хотя кто знает, что у нее под этим бесформенным платьем? Может, роскошное белье? Может, эта девушка с секретом?

Я еще раз внимательно оглядел ее. Какая изящная фигура, как грациозно девушка выгибается, пытаюсь выдернуть руку из западни. Пожалуй, она меня немного заинтриговала. Если ее приодеть, причесать, возможно, получится что-то интересное. А характер у нее взрывной.

С такой не соскучишься. Решительная, смелая до безрассудства. Дерзкая. Бандитка, настоящая бандитка. Почувствовал, что начинаю потихоньку заводиться.

Вообще пора налаживать личную жизнь. Недолгие встречи, случайные знакомства до добра не доведут. Если так дальше пойдет, начну кидаться на таких серых мышей как эта девица, и искать в них загадку и шарм.

Девица насупилась:

— Да за кого вы меня принимаете? Я — девушка порядочная.

— Оно и заметно, — хмыкнул я, взглядом указывая на наручники.

— Я купила это розовое безобразие только потому, что нормальные наручники нигде не продают.

– А что ж в полицию не обратились? Глядишь, вам бы пошли навстречу. Выдали для благого дела. Или побоялись, что упекут в психушку?

Девушка сердито засопела и метнула в меня из глаз очередную порцию молний.

Нет, как ни крути, а она дивно хороша. С гонором. Похоже, мне начинают нравиться такие разбойницы. Надоели рафинированные светские дивы с томными голосами, капризами и закидонами.

Может, попробовать найти себе простую девушку? Так сказать, из народа? А если позвать на свидание эту ненормальную? Нет, она не согласится. Гордая и принципиальная. Это за километр видно. А жаль. Мы могли бы дивно провести вечер. И не только вечер...

Глава 2. Стас

К нам подошел Иванов. Он сиял как начищенный самовар и пыхтел, словно пробежал марафон. Тучный завкафедрой страдал одышкой. Ему бы в кабинете сидеть, бумажки перебирать, студенток по коленям гладить, а не по стройкам бегать. Неугомонный господин.

– Вот видите, Станислав Игоревич, вам не стоило пригонять сюда технику. Зря потратили деньги и время. Я говорил, что мы сможем отстоять это здание, – Виталий Викторович сунул мне в руки копию приказа. – Ознакомьтесь на досуге.

– Вообще-то его отстояла эта девушка, а не вы, уважаемый Виталий Викторович, – заметил я. Надо отдать должное этой ненормальной. Именно она грудью встала перед экскаватором. – Если бы не она, вы приехали бы на руины. Ваши подпевалы разбежались во все стороны при первой опасности. Так что окажите девушке любезность. Найдите ключ и отстегните ее от двери. Ключ валяется где-то там, – кивнул я на окно. – Удачного поиска.

Иванов потоптался на месте. Он при всем желании не смог бы залезть внутрь. Комплекция и преклонный возраст не позволят. Виталий Викторович попробовал открыть дверь. Даже слегка навалился на нее плечом.

Но она была надежно забита досками изнутри. Кривые

ржавые гвозди торчали наружу. Их острые концы загнули, и они напоминали когти коршуна, вцепившегося в добычу.

Виталий Викторович печально вздохнул и направился к своим сторонникам. Они немного посовещались. Похоже, добровольцев лезть за ключом не было.

Наконец Иванов вцепился в молодого человека, похожего на кузнечика, и начал ему что-то жарко втолковывать. Тот сначала отрицательно мотал головой, но, в конце концов, согласился. Они вернулись к нам.

– И что, мне лезть туда через окно? – недовольно спросил кузнечик.

– Попробуйте через печную трубу. Хотя до Нового года еще далеко, представьте, что вы Санта Клаус. Принесите девушке заветный ключик в подарок, – кивнул я на активистку. Она грозно сопела и сердито смотрела на меня. Еще немного, и из ее ушей повалит пар.

– А если дверь выбить? – не унимался парень.

– Да, выбивайте, – согласился я. – Только не пришибите девушку. Она к ней прочно пристегнута.

– Нет, дверь вышибать нельзя, – возмутился Иванов. – Это уникальная старинная вещь! Мы испортим на ней резьбу. Это же настоящий деревянный модерн. Шедевр, а не дверь. – Виталий Викторович любовно погладил деревянный цветок на панели. – Гвозди надо будет извлекать осторожно. Что за вандалы забили их? Какая безответственность! Настя, не скреби по резьбе наручниками. Вон уже свежие сле-

ды остались. Аккуратнее, пожалуйста, аккуратнее!

Похоже, судьба самоотверженной сторонницы Иванова волновала мало. То ли дело дверь! Главное, ее не повредить. А девушка уж как-нибудь перебьется.

Худой молодой человек, которого назначили спасителем девицы в беде, помялся, походил вдоль фасада. Убедился, что иного пути у него нет, и обреченно полез в окно.

– Мы проверим, насколько правомочен приказ Министерства культуры, – пообещал я Иванову, наблюдая, как неловко парень раскорячился в оконном проеме. Интересно, упадет или нет?

– Пожалуйста, не возражаю, – завкафедрой архитектуры светился от удовольствия и упивался победой. – Не думаю, что вы чего-то добьетесь.

Послышался грохот и ругань. Мальчик-кузнечик все-таки упал.

– Вы потерпели поражение, смиритесь, – иронично усмехнулась девица. – Теперь тут будет музей. Или кафе. Да неважно что. Главное – здание еще послужит городу.

– Уверяю вас, это еще не конец, – заверил ее я.

Она презрительно фыркнула и демонстративно отвернулась. Настоящая бандитка. Нахальная и самоуверенная.

– Я ключ не могу найти, – раздался сердитый голос молодого человека. – Зачем вы его сюда закинули? Это хулиганство.

– Хулиганство то, чем вы тут занимаетесь. Мешаете чест-

ным людям и прогрессу. Застряли в прошлом, вот и наслаждайтесь. Так что ищите, ищите, – злорадно произнес я.

Заглянул в окно. Парень ногами расшвыривал мусор на полу. Ключ куда-то завалился.

– Кто его сюда кинул, тот пусть и ищет, – буркнул он.

– Ну уж нет. Мне это не надо, – коварно усмехнулся в ответ. Хоть какое-то моральное удовлетворение.

– Да ищи ты его уже! – возмутилась девушка. – Хватит болтать. Сколько мне тут еще торчать?

– Нет его. Не могу найти. Зачем ты вообще пристегнулась к двери? Ничего другого придумать не могла?

– Зато это оказалось эффективно. Я смогла задержать снос.

– Ага. Ты героиня, а я роюсь в мусоре, – разозлился парень.

– Если ты такой умный, мог бы сделать что-то сам, а не стоять в стороне. Хоть теперь можешь мне помочь. Так что не бухти, а ищи ключ, – прервала его девица.

Кузнечик в сердцах ударил ногой по стойке.

Раздался подозрительный треск. С потолка посыпалась какая-то труха. Молодой человек шустро выскочил наружу, как пробка из бутылки шампанского. Кровля начала оседать, под ее весом рушились старые стойки.

Зловещий треск усиливался. Как в замедленной съемке я видел обрушение балок. Они ломались словно спички. Еще немного, и стены рухнут. И погребут под собой эту ненор-

мальную.

Я бросился к девице, попытался оторвать ручку от двери – не вышло. Еще не хватало, чтобы эта дура погибла под завалами. Да меня за нее посадят!

Попробовал сломать наручники – они не поддались.

Треск перешел в оглушительный грохот. От него у меня заложило уши. Я схватил девицу в охапку, прижал к себе. Она вцепилась в меня свободной рукой и уткнулась макушкой в плечо. Ее сердце бешено билось, горячее дыхание девушки я чувствовал через футболку.

Дверь задрожала и подозрительно захрустела.

– Ой, мамочки! – взвизгнула девушка. Она затрепетала, как пойманная птичка и вжалась с меня всем телом.

Грохот оглушил. Обвалилась средняя часть крыши, старые стены дрогнули, но устояли.

Нас накрыло волной пыли из извести. Плотный туман повис в воздухе. Пыль оседала медленно, ровным слоем припорошивая все вокруг. Потом наступила оглушительная тишина.

Девушка осторожно освободилась из моих жарких объятий. Я смотрел на нее через серую пелену пыли. Ее темные волосы стали пепельными, лицо приобрело землистый оттенок. Очевидно, так же выглядел и я.

На мгновение показалось, что весь мир рухнул, остались только мы вдвоем. Она испуганно и доверчиво смотрела на меня.

– Вы в порядке? – я поправил волосы, упавшие на ее лицо.

Она кивнула, глядя на меня бездонными глазами цвета горького шоколада.

Я тонул в их сладком омуте.

– А вы целы? – шепотом спросила она меня.

– Да, – так же шепотом ответил ей. – Вы меня напугали.

– Я сама испугалась.

– Теперь все позади.

Она улыбнулась.

С небес на землю нас вернул окрик прораба:

– У вас там все нормально? Никто не пострадал?

Я оглянулся.

Мои строители и товарищи девицы наблюдали за происходящим с безопасного расстояния.

– Относительно, – сообщил я. – По крайней мере, мы живы.

– Ася, ты как? – поинтересовался Иванов.

– Норм, – ответила девица, отряхиваясь.

Значит, бандитку зовут Ася. Неплохое имя. Но на тургеневскую барышню из одноименной повести нашего великого классика она совсем не похожа. Бандитка, а не тургеневская барышня.

Итак, мы вернулись на землю. Странное чувство лишь краем коснулось моего сердца, заставило его учащенно забиться. Все прошло. Мы снова в нашей приземленной реальности у полуразвалившегося сарая в стиле русский модерн.

– Я предупреждал, что эта халупа рано или поздно рухнет, – произнес я, совершенно неприлично отплевываясь от пыли. – Счастье, что вы не пострадали.

– Она не рухнула, – стояла на своем девица. – Посмотрите сами, на стенах даже трещин нет. Всего-то кусок крыши упал.

– Да, действительно, какая мелочь! – иронично заметил я.

Свободной рукой разбойница достала из кармана влажные салфетки и начала вытирать лицо. Потом любезно протянула салфетки мне. Штукатурка мерзко скрипела на зубах.

– Вы на редкость упрямы, – заметил ей.

– Уж какая есть.

– Мы могли погибнуть.

– Но не погибли же, – с этим не поспоришь. То, что она была на волосок от гибели, девицу не смущало.

– Если бы меня придавило руинами, моя смерть была бы на вашей совести. Вы едва не сделали моих детей сиротами.

– Не пытайтесь внушить мне чувство вины. Вас никто не заставлял кидаться ко мне. Я бы прекрасно обошлась без вас. Все равно оторвать наручники вы не смогли.

Да, благодарности мне ждать не стоит. Вот и спасай таких девиц!

Когда стало понятно, что ничего больше не упадет, к нам подбежали строители и защитники дома.

– Дайте мне фомку, – попросил у прораба. – И если есть напильник.

И то и другое нашлось быстро.

– Осторожно, не повредите ручку, – засуетился Иванов. – Это исторический раритет. Литой чугун. Посмотрите, какая форма, какое изящество линий! Тягучие изгибы, динамика движения.

Мне казалось, единственные притягательные изгибы на двадцать кварталов в округе были у этой взбалмошной девицы, а никак не у какой-то дурацкой дверной ручки. Но Виталий Викторович смотрел на дверь со священным благоговением. Или как кот на сметану.

– Желаете сделать это сами? Пожалуйста, – я протянул фомку Иванову.

– Нет, я вполне доверяю вам, – заверил меня Виталий Викторович, на всякий случай отступив назад. – Ручку вернем на место, когда дом отреставрируют.

Я приложил некоторые усилия и оторвал ручку от двери. Мы отошли подальше от дома, где было не так пыльно.

– Сами надели наручники, сами и снимайте дальше, – вручил Анастасии напильник. – Представьте, что вы сбежали из тюрьмы. Куда вас посадили за нарушение общественного порядка и хулиганство. Можете начинать пилить.

– Вы очень любезны, – огрызнулась она, отряхивая платье.

Настя положила напильник на землю, вынула из волос заколку. Они тяжелой волной упали на ее плечи, окружив голову легкой дымкой из пыли. Как ореол. Настоящий ангел на руинах. Похоже, я люблю эту ненормальную. Докатился!

Отогнал идиотские мысли и тоже начал приводить себя в порядок. Отряхнул рубашку, потряс головой. Пыль лезла в глаза и нос. Представляю, на кого я сейчас похож!

– Илья, помоги мне, – позвала Настя парня-кузнечика.

Она вручила ему напильник, как королева вручает меч своему верному рыцарю. Рыцарь повертел его в руках, словно видел такую штуку впервые и нехотя взялся за дело.

Вот уж не думал, что сексуальные игрушки делают такими прочными. Наручники Илья пилил минут десять. Время от времени он мученически смотрел на свои ладони. Похоже, боялся натереть мозоли.

Я не без злорадства наблюдал за ним и девицей. Впрочем, возможно, парень просто не умеет обращаться с инструментами. Ни с тем, ни с другим.

Наконец наручники с девицы сняли. Она потеряла запястье. Дверную ручку Иванов сразу же забрал.

– Ну что ж, – подвел итог Виталий Викторович. – Рад, что никто не пострадал. Дом будут реставрировать. А пока он подлежит консервации. Можете отгонять строительную технику. Здесь она больше не понадобится.

Прораб все понял, и пошел давать указания строителям. Бульдозеры и экскаватор медленно заскрежетали, начали разворачиваться и отступать от дома. Это было позорное поражение.

– Уверяю вас, Виталий Викторович, мы вернемся. Оспорим решение через суд, – я тоже так просто не сдамся. – Ва-

ми выиграна битва, но не война.

– Не думаю, что это поможет, – самодовольно усмехнулся Иванов.

– Жаль, что вы не умеете признавать своих ошибок, – заметила девица. – Ваше бы упорство пустить на спасение города, а не на его разрушение и обезличивание. И кстати, спасибо, что помогли мне. Мне показалось, или вы пытались меня спасти?

– Вам показалось, – заверил ее я.

Глава 3. Анастасия

Сегодня мы отстояли еще один замечательный дом. Особняк купца Фридолина будет восстановлен и займет достойное место среди достопримечательностей нашего города.

Строительная техника убралась восвояси. Князев сел в свой огромный внедорожник и уехал. Его черный автомобиль сверкнул на прощание хромированным бампером и скрылся за поворотом.

Мои мысли снова и снова возвращались к Князеву. Почему-то, когда я вспоминала о нем, у меня что-то замирало внутри.

Никто, кроме этого господина, не попытался помочь мне. Ни Иванов, ни Илья. Конечно, Виталий Викторович человек пожилой и не такой проворный, как Князев. Но другие-то могли попробовать освободить меня. Но они просто-напросто испугались.

А вот мой первейший недруг бросился на выручку. Как он самоотверженно прикрывал меня! Какие у него крепкие руки! Я думала, нас придавит, когда начала падать крыша. Вцепилась в Князева мертвой хваткой.

Он обнимал меня крепко, но так осторожно. От него пахло терпким парфюмом с нотками морского бриза. Его сердце билось громко и неровно. Да и мое готово было выскочить из груди. То ли от страха, то ли еще от чего-то.

Мне казалось, мы попали в другое измерение. Голова кружилась, и совершенно не хотелось, чтобы Князев отпускал меня. Наваждение, настоящее наваждение! Видимо, я просто сильно перенервничала.

Виталий Викторович на радостях лично решил отвезти меня домой. Я согласилась. Идти по городу грязной как-то неловко. Я сейчас похожа на чучело огородное. Иванов предварительно постелил на сиденье автомобиля какую-то тряпку, чтобы я не слишком испачкала салон пылью. Отряхнуть ее с себя до конца я так и не смогла.

Гордость переполняла меня, я мысленно ликовала. Застройщик точно не ожидал от меня решительных действий. А зря! Я всегда нахожу нестандартные решения.

Станислав Князев уже торжествовал, думал, что успеет снести особняк. Нет, ничего у него не вышло! Сегодня он потерпел поражение.

С господином Князевым лицом к лицу я встретилась впервые. Но слышала о нем много. Его фирма специализируется на строительстве общественных зданий. И строят они их в основном в центре. Виталий Викторович постоянно сталкивается с Князевым на дебатах в Городской Думе. И, увы, не всегда побеждает. Однако в этот раз все сложилось иначе.

Надо отдать должное. Князев внешне очень привлекателен. Темноволос, хорошо сложен. Мышцы как камень. Я почувствовала это, когда Князев так крепко обнял меня, пыта-

ясь защитить от обломков.

Хорош, ох как хорош, подлец! Самоуверенный взгляд синих глаз словно пытался проникнуть в мои сокровенные мысли. Наглый, пронзительный.

Князев похож на аристократа. Нос с горбинкой. Даже фамилия подходящая. Только, очевидно, его предки были крепостными у какого-то князя. Так что он точно не голубых кровей. Почти наверняка. Но замашки у него господские. А сегодня я его обломала!

Станиславу Игоревичу нет и сорока, а он руководит солидной фирмой. В деловой хватке ему не откажешь. В беспринципности тоже.

Надутый самоуверенный негодяй! Хотя... Надо отдать Князеву должное. Только он попытался спасти меня. Больше никто не кинулся мне на выручку. А он так самоотверженно пытался помочь. Очень смело, хотя и безрассудно.

Сердце снова замерло, а потом забилось быстрее. Чем Станислав Князев так зацепил меня?

Положа руку на сердце, надо признать – нас могло завалить обломками стены. Все могло закончиться очень печально, если не трагически. Но Князев не побоялся, прикрыл меня. А я вцепилась в него как в спасательный круг. Было очень страшно.

Есть в Князеве что-то привлекательное, какой-то внутренний магнетизм. Что заставляет меня снова и снова вспоминать о нем.

Жаль, что мы стоим по разные стороны баррикады. А могли бы объединить наши усилия. Я могла бы объяснить ему, за что мы сражаемся, что история города важна и для нас, и для наших потомков. Но что-то мне подсказывает, он не из тех, кто готов слушать.

Я и оглянуться не успела, как мы подъехали к дому.

– Настя, еще раз спасибо, – широко улыбнулся мне Иванов. – Ты сегодня отлично проявила себя.

– Сделала все, что от меня зависело, – улыбнулась я в ответ, выходя из машины.

Двор дома, где я снимала квартиру, был такой же безликий, как и сам дом. Обычная пятиэтажка с разномастно остекленными балконами и прыщами-кондиционерами на фасаде. Серая, тоскливая. Во дворе старые высокие тополя. Они торчат посреди асфальта, которым закатали весь двор.

Автомобиль завкафедры обдал меня выхлопными газами и скрылся за углом дома. Перед подъездом, как всегда, сидели бабушки.

– Батюшки, где ж ты так извалялась в грязи, Настя? – всплеснула руками одна из них.

– На стройке, – ответила я.

– А что, переодеться нельзя было в рабочую одежду? – поддела другая.

– Некогда было.

– Вот она, молодежь! Ничего не бережет! Ни о чем не думает! Куда мы катимся? – затарахтели бабушки.

Объяснять старушкам, что я только что сберегла для города памятник архитектуры – бесполезно. Они этого не поймут. Я же платье испортила! И выгляжу как пугало.

Долго рылась в сумке в поисках ключей. Они всегда прячутся от меня в самый неподходящий момент. Так и не нашла их и позвонила в домофон.

– Кто? – прохрипел в динамик сердитый голос.

– Открой, Ник, это я.

– А где ключи?

– Найти не могу.

– Вечно все теряешь, – излил на меня свое недовольство Никита.

Я услышала, как он еще что-то недовольно пробурчал. Домофон пикнул, и я открыла дверь.

Поднялась на третий этаж. Хотелось скорее под душ, смыть с себя противную пыль.

– Ты вечно суешь ключи куда ни попадя, – Ник был недоволен. – Я занят, пишу статью. А меня постоянно отвлекают. Неужели нельзя быть более организованной? Надеюсь, ты их не потеряла? А то придется замок менять. Хозяйка будет недовольна.

– Ничего я не потеряла, – я извлекла, наконец, из сумки ключи. По закону подлости они забились в укромный уголок.

– Повнимательнее поискать их не могла? Надо было меня отвлекать? Ты меня с настроя сбила. Так все хорошо шло,

и тут ты начала трезвонить, — он ушел в комнату, даже не забрав у меня рюкзак.

Мы с Ником снимаем двушку. Я вылетела из семейного гнезда сразу после окончания института. Родители не возражали — дочь выросла, пусть попробует жить самостоятельно.

Год назад начала встречаться с Ником. Ему тридцать. Он талантливый журналист. Работает в местной газете. Ник брал интервью у Иванова. Так мы и познакомились. Наш роман начался головокружительно. Никита покорила меня обаятельной улыбкой и потрясающей эрудицией.

Мы решили, что выгоднее снимать одну квартиру на двоих. Платим за нее поровну. Сплошная экономия.

Никита — не только корреспондент, но еще и блогер. Так он гордо себя именует.

А я — всего лишь учительница в школе. Была... Но произошла скандальная история и мне пришлось уйти. Я люблю детей, всегда мечтала стать педагогом. Только с их родителями порой бывает очень сложно.

Многие родители уверены, что их дети необыкновенные. Если учитель ставит им плохие отметки, то он просто придирается и не может найти правильный подход. Да и система образования у нас становится все страннее и страннее год от года.

Пока по профессии устроиться не удастся. История получилась некрасивая, хотя директор гимназии и смог ее замять. Но какие-то слухи все-таки просочились, и ко мне ста-

ли относиться настороженно.

Уже полгода подрабатываю где придется. Я и раньше занималась репетиторством, еще вела кружок в Доме детского творчества. Только на эти деньги прожить сложно. Неделю назад Иванов пристроил меня к себе на кафедру в методкабинет. Работы немного, денег тоже. Но это временно.

– Где ты так перемазалась? – Никита снова появился в коридоре. В руках он держал чашку и шел на кухню за кофе. Его аромат заполнял всю квартиру.

Никита брезгливо покосился на мою запыленную одежду.

– Ник, ты не представляешь! Мы не дали снести особняк Фридолина. Его теперь будут реставрировать.

– Поздравляю, – равнодушно ответил он. – Но я так и не понял, почему ты такая грязная?

– Крыша обвалилась. Меня слегка припылило.

– Ясно, – кивнул он. – Иди, мойся. С тебя пыль сыпется по всей прихожей. Потом полы за собой протри, а то грязь по квартире растащим.

Никита не разделил моего восторга от спасения особняка. Он слишком занят написанием статьи. И вообще старинная провинциальная архитектура в список его интересов никогда не входила. У нас разные интересы, но это не мешает нам быть вместе. Мы дополняем друг друга.

Все мысли Никиты заняты тем, как перебраться в Москву. Ник очень талантлив. Его ждет блестящее будущее. Я понимаю, что только в столице он сможет как следует развернуть-

ся и проявить себя. Ник амбициозен, упорно идет к своей цели. Уважаю таких людей. Он знает, чего хочет.

Я прошла в ванную, забралась в душ. Прохладные струи воды смыли известковую пыль. Долго отмывала волосы, они походили на воронье гнездо. Привела себя в порядок и отправилась на кухню перекусить. Но, увы, холодильник оказался пуст.

– Ник, а где курица и суп?

– Кончились. Ты мало приготовила, – я слышала, как он увлеченно стучит по клавишам.

– Так и денег мало. Мы же экономим.

– Тебе давно пора устроиться на нормальную работу. Тогда и экономить не надо будет. Так жить невозможно.

– Никита, мы зарабатываем примерно одинаково, – я прошла в зал и остановилась около стола, за которым сидел мой парень.

Он что-то самозабвенно печатал.

– Ник, ау! Ты меня слышишь? – помахала я рукой перед его носом.

– Ну, что тебе? – он недовольно оторвался от работы. – Видишь, я занят.

– Мы зарабатываем одинаково. Так почему я должна менять работу, а ты нет? – я начала заводится.

– Во-первых, у тебя тут родители. Можешь у них денег занять. Или пусть твоя мама нам еду готовит. Я не против. А я не местный. Мне поддержки ждать не от кого. Во-вто-

рых, у меня творческая работа. Я – блогер. Если мне не будут мешать, я смогу очень хорошо зарабатывать. Но на раскрутку нужны деньги и время. Нужно наработать имя. Для этого нужна реклама. А для рекламы – деньги. Ты мне можешь денег дать?

– Нет.

– Так чего ж ты от меня хочешь? – пожал плечами Никита.

Да уж, с ним спорить бесполезно. Последнее время он стал очень раздражительным. Не ладится у него с блогерством. И тут я помочь ничем не могу.

Работу я поменяю обязательно. И сама об этом постоянно думаю. Я постоянно рассылаю резюме. Уверена, до осени буду снова работать в школе. Моя профессия мне нравится, я люблю детей и у меня хорошо получается их учить.

– Ладно, раз так, давай питаться отдельно, – решила я. – Меня не устраивает, что ты стал думать только о себе. И вообще я начинаю подумывать, не вернуться ли мне к родителям?

– Прости, милая, – Ник наконец закончил статью и оторвался от ноутбука. – Закрутился совсем. Просто машинально съел все, что было. Надо было срочно закончить работу, думал только об этом. Сейчас схожу что-нибудь куплю тебе поесть.

Он встал с кресла, приобнял и поцеловал меня. Его модная бородка защекотала кожу.

– Не сердись. Я же без тебя пропаду. Ну, мир? – он смот-

рел на меня как провинившийся щенок.

– Мир, – согласилась я. – И больше не забывай про меня. Никогда. Понял?

– Да, ошибки учту и исправлю.

– Тогда иди в магазин и купи еды.

– Слушай, а может в магазин ты сходишь? У меня тут еще работенка есть. Ты же знаешь, чтобы быть успешным блогером, надо публиковаться регулярно.

– Нет, я очень устала. Ты проштрафился, ты и иди, – я упала на диван, включила телевизор. – И побыстрее. Я голодная как волк.

Никита потоптался на месте. Умоляюще посмотрел на меня.

– Я голодная. По твоей вине. Так что вперед, я жду, – поторопила Ника.

– Давай еду домой закажем? Пиццу или ролы.

– Ты же говорил об экономии.

– Ладно, давай деньги, пойду в магазин, – согласился наконец Ник.

– В кошельке возьми. Не транжирь.

Он ушел. И что с ним делать? Как ребенок. Совсем не приспособлен к быту. Творческий человек. Витает в облаках. Бросить такого – обречь на голодную смерть и нищенское существование. Жалко его.

Последнее время у Ника возникла навязчивая идея стать известным блогером. Пишет он хорошо, интересно. Но это-

го мало. Нужны деньги для рекламы, а у нас их нет. Получается замкнутый круг. Хочешь денег – вначале вложи их в раскрутку.

Нехотя поднялась с дивана. Заглянула в коридор. С меня насыпалось много пыли. Вымыла полы и пошла на кухню ставить чайник.

Мысли опять вернулись к Князеву. Отличный экземпляр. Рослый, прекрасно сложен. Интересно, какая у него жена? Наверняка красавица. Ухоженная, знающая себе цену светская львица. Другую он рядом с собой не потерпит. И, очевидно, стерва. Мужчины таких любят. Чем больше капризов, тем им интереснее. Уж не знаю, почему.

Пока думала о нем, высыпала почти всю заварку в заварочный чайник. Пришлось пересыпать ее обратно. И что это со мной? Не слишком ли много я уделяю внимания этому снобу?

Однако интересно, что предпримет Князев? Зря он надеется на суд. Все равно у него ничего не получится. Но он очень активный застройщик. Сколько под его руководством поносили интересных зданий в городе.

Станислав Князев – настоящее чудовище. Думает только о деньгах. Для этого типа нет ничего святого. Тратит бешеные деньги на шикарные костюмы и машины. Одни часы, наверное, стоят дороже, чем вся эта квартира. Недавно Ник писал статью о каком-то олигархе. И ныл, что такие же часы стоят как чугунный мост.

Конечно, не Князев принимал решение о сносе, он только исполнитель. Но очень рьяный. Хотя кто знает, как на его месте повел бы себя другой? Это же его работа.

Прошел слух, что Князев будет участвовать в аукционе и намерен приобрести территорию усадьбы помещика Минаева. Большое загородное имение. От строений там практически ничего не осталось. Руины дома, руины конюшни и хозяйственных построек, ржавый каркас оранжереи. Зато старинную липовую аллею, орешник и заброшенный фруктовый сад можно привести в надлежащий вид.

Наша Дума приняла решение продать усадьбу, с условием, что там будет организовано что-то полезное для города. Может быть парк, или ботанический сад. Предположу, если аукцион выиграет Князев, там воткнут очередной автосалон или какой-нибудь гигантский гипермаркет.

Хотя кому он нужен далеко от трассы? Туда пока даже дороги нет. И ни одной деревни в радиусе пятнадцати километров. Может, Князев планирует организовать там элитную базу отдыха? Место для этого отличное.

В ближайшие выходные надо будет съездить в поместье. Посмотреть, что там осталось. Возможно, что-то еще можно восстановить. А то Князев любит все сносить до основания. Иванов сказал, что этот объект мы тоже возьмем на контроль. Так что о легкой жизни господин Князев может забыть.

Глава 4. Анастасия

Ник принес курицу, хлеб, немного овощей. Он виновато смотрел на меня. Мое сердце смягчилось. Ну не умерла же я с голода?

Мы совместными усилиями потушили курицу. Я начала есть и подобрела окончательно.

– Меня сегодня едва не завалило обломками дома, – сообщила я Нику. – Крыша обрушилась, а я не могла убежать.

– Почему? – он перестал жевать.

Я рассказала всю историю.

– Ты точно сумасшедшая. Это ж надо до такого додуматься! Ведь ты могла погибнуть. И ради чего? Думала, тебе памятник поставят?

– Я вообще не предполагала, что крыша упадет. Дом на вид прочный. Не пни Илья стойку, ничего бы не развалилось.

Ник вытер руки о салфетку, подошел ко мне, обнял.

– Я бы не пережил, случись с тобой несчастье. Ведь ты могла и калекой на всю жизнь стать.

На душе потеплело. Как приятно, что Никита за меня переживает.

– Слушай, – он сел на место и продолжил трапезу, – а где наручники?

– Выбросила. Илья их распилил. Не могла же я возвращаться домой с розовым пушистым браслетом. Даже идиот

поймет, что это за штучка у меня на руке болтается.

– Жаль.

– Зачем они тебе?

– Может, купим еще и попробуем их в деле? Я давно хотел добавить перчинку в наши отношения.

– Ну, уж нет. Никаких наручников! Отвратительно чувствовать себя беспомощной.

– Может, через пару дней попробуем? – не унимался Никита. – Было бы интересно.

– Прости, я к такому не готова, – кто знает, что еще придет в голову Ника? У него время от времени возникают странные идеи, которые мне вовсе не по душе. Но я пресекаю их на корню.

– Тебе надо становиться современной девушкой. Тут я с Князевым полностью согласен. Ты иногда ведешь себя, как девица из позапрошлого века. Налей мне чай. И положи немного сахара. Полторы ложки, не больше. Сегодня он мне не повредит. Сладкое улучшает работу головного мозга.

Я налила чай, положила сахар, размешала его в чашке и подала Никите.

– Ник, а напиши статью про то, как уничтожается культурное наследие нашего города, – предложила я. – Поговори с редактором газеты. Он тебя уважает, пойдет навстречу.

– Не думаю, что его это заинтересует, – признался Ник. – Кому сейчас это нужно? Кого интересуют старые дома? Только тебя и еще кучку таких же одержимых.

– Мы не одержимые, мы – защитники истории, – поправила его я.

– Не цепляйся к словам. Это почти одно и то же.

– Разве тебе все равно, как выглядит наш город? – не верю я в это. Ник – тонкий ценитель прекрасного. Отлично разбирается в искусстве.

– По правде сказать, да. – Ник отправил в рот изрядный кусок курицы. – Я собираюсь перебираться с Москву, ты же знаешь. Тут никаких перспектив. Болото. Мы с тобой на эту тему уже говорили. Ты вроде тоже была не прочь покорить столицу? Или уже передумала?

– Одно другому не мешает. Да, я не против переехать в Москву. Но тут моя родина. Здесь я выросла. И мне хочется, чтобы город сохранил самобытный облик старинного русского города, А не стал безликим и скучным. Разве это невозможно?

– Понятия не имею, – равнодушно пожал плечами Ник. – Может, и возможно. А может – нет. Так или иначе, но вы боретесь с ветряными мельницами.

– Тем более надо обратить внимание на проблему.

– Пусть Иванов этим занимается. Он вас возглавляет. Вот ему и следует думать, как и что лучше сделать. Как привлечь общественность. Хотя я уверен, у нашей общественности совсем другие интересы. Им бы пожрать, да погулять. Все, больше ничего быдлу не надо. Не мечи бисер перед свиньями и будешь довольна и счастлива.

– Ник, ты циник, – иногда он бывает очень резок. Даже чересчур.

– Да, и горжусь этим.

– У нас хорошие люди.

– Где ты их увидела? Сегодня на сносе вашего пресловутого особняка? Да уж, один лучше другого. Твой Иванов душу продаст за старинную дверь. Остальные активисты элементарные трусы. Князев – пафосный мажор. Зажрался. Сколько денег наворовал и до сих пор не подавился!

– Я слышала, он все заработал сам.

– Глупости! Такие деньги не зарабатывают, их воруют. Не будь наивной. Потрясти бы его как следует. Без денег он никто. Сразу бы вся спесь сошла, – мне показалось, Ник завидует состоятельным людям. Вроде раньше я такого за ним не замечала. Или когда влюблен, не видишь в человеке недостатков?

– Что ты прицепился к Князеву? Это его работа.

– Вот как? Теперь ты его защищаешь. Он тебе что, понравился? Привлекли его миллиарды? Этим он тебе симпатичен?

– Не говори глупостей. Он меня сегодня спас, и я ему за это благодарна.

– Ты же сказала, что вас только пылью засыпало? Так от чего он тебя тогда спасал? От пыли? Да уж, велика опасность!

– Я просто говорю, что люди у нас в большинстве хоро-

шие. И им будет интересно узнать, как планируют развивать их родной город.

Ник обреченно вздохнул:

– Ты неисправима. Ничего им не интересно, кроме личной выгоды. Тут каждый сам за себя. Закон джунглей. Так объясни мне, дорогая моя Ася, зачем тебе лишняя головная боль?

– Мне жалко, что уничтожают нашу историю.

Он обнял меня.

– Ладно, хватит говорить о высоком. Давай вечером сходим в клуб.

Я на мгновение задумалась:

– Слушай, а выпусти блог об этом. Что-то типа: «Сражение на руинах. Миллиардер спасает красивую девушку». Это будет вообще отлично. И мне приятно. Так и напиши, что красивую.

– Ну кому это интересно, кроме тебя? Я пытаюсь раскрутиться, а ты предлагаешь мне скучную тему. Да еще и с наивными заголовками.

– Она не скучная. Главное ее правильно подать. О чем ты делаешь блоги? Я же видела. Рассуждаешь о жизни, о своем пути. Это тоже мало кого может привлечь.

– Ты считаешь меня неинтересным собеседником? – надулся Ник.

– Не передергивай. Я – это одно, а целевая аудитория блогера – совсем другое.

Я видела запись Ника, которую он выложил на Ютубе. Много слов, немного сарказма, море самолюбования. Лично мне стало скучно через минуту. Я ему ничего не сказала, чтобы не обижать. Однако уверена, так он подписчиков не соберет. Он интересный и умный человек, но порой неправильно выбирает темы для своих блогов.

Про борьбу за сохранение исторического центра города можно много чего рассказать. А Ник в основном пишет про себя, про свои взгляды на жизнь. Но кто будет слушать про других, если это, конечно, не звезда?

– Ладно, не хочешь – как хочешь, – махнула я рукой. – Дело твое.

– Обиделась?

– Нет, – отрезала я.

– Вижу, что обиделась. Могу, конечно, блог выпустить, раз тебе это так важно. Только смотреть его никто не будет. Неактуально.

Жаль, что Ник не разделяет мои взгляды на этот вопрос. Но, с другой стороны, не обязательно, чтобы наши интересы совпадали на сто процентов.

* * *

На следующий день на работе меня вызвал к себе Иванов.

– Тебе было бы неплохо съездить в усадьбу Минаева. До того как ее продадут. После этого, скорее всего, доступ ту-

да закроют. Станет частной собственностью. А у нас теперь к этому отношение трепетное. Сможешь в выходные? Надо сделать фотофиксацию. А то потом ничего не докажешь. Пустят под топор и аллею, и сад. Про восстановление дома я уже не говорю. Там восстанавливать нечего. Съездишь? Это жизненно важно для нашего дела.

– В принципе я согласна. Только я без машины. А по-другому туда не добраться. Автобус до ближайшей деревни ходит. И дальше пешком километров десять, а то и больше.

– Знаю. В воскресенье в усадьбу едут народники. Они тебя могут прихватить. Я уже переговорил с ними. Но попутно посетят озера, заедут в пару деревень. У них мероприятие на весь день.

Народники – это городской ансамбль народных песен и танцев «Радомира». Они ездят по деревням, собирают местные обычаи, записывают старинные песни, а в основном матерные частушки.

Играют на берестяных дудках, трещотках и деревянных ложках. Стучат в бубны и голосят как ненормальные. Очень сомнительные товарищи. По мне, больше похожи на группу сбежавших из дурдома, чем на ансамбль. Но раз другого варианта нет, придется согласиться.

Один раз ездила с ними. Неизгладимое впечатление. Водят хороводы вокруг пеньков. Прыгают через костры. Имеют друг друга древнеславянскими именами, говорят с нажимом на О. Но самое страшное – постоянно поют. Всю до-

рогу. И частенько именно матерные частушки.

– Ладно, можно и с ними, – вздохнула я.

Ради благого дела потерплю. Скачаю в смартфон тяжелый рок. Только он может заглушить громкие голоса народных исполнителей.

Никита опять станет ворчать. Со мной он точно не поедет. Ему это неинтересно. Но будет недоволен, что в воскресенье меня не будет дома.

Ник помешан на чистоте. Суббота – день отдыха, воскресенье – приводим в порядок квартиру. В принципе это правильно. В будние дни заниматься уборкой некогда. И хорошо, что мы наводим порядок вместе. Многие мужчины считают это чисто женским занятием.

Своей педантичностью Ник порой доводит меня до бешенства. Мы кипятим посуду с содой, потом до скрипа моем ее. Пылесосим всю мебель. Протираем люстры. Никита тщательно проверяет, чтобы нигде не было пыли. Он считает себя аллергиком. Не знаю, с чего он это взял, признаков аллергии я у него никогда не замечала.

Я не спорю. Очень хорошо, когда мужчина помогает по дому. Но если я ухожу в воскресенье по делам, Ник страшно обижается. Все должно идти по его плану. Перенести уборку на субботу нельзя. Из принципа. Поэтому он мученически делает все сам. А потом выносит мне мозг, что я не помогла ему.

Я давно предлагала поднакопить немного денег и купить

посудомойку и робот-пылесос. Не так уж это и дорого. Но Ник считает, что вполне можно обойтись без этого. Он предпочитает традиционные методы уборки. И кто из нас несовершенный?

Как ни крути, а характер у Ника сложный. Да и я не подарок. Говорят, противоположности притягиваются. Мы дополняем друг друга. Хотя иногда мне хочется пришибить Никиту за его цинизм и заносчивость.

Я уверена, у него это все напускное. Защитная реакция. На самом деле Ник очень ранимый, как большинство талантливых и творческих людей.

Главное, мы любим друг друга. Наверное...

Глава 5. Стас

Потерпеть поражение всегда неприятно. Тем более когда за этим стоит взбалмошная девица. Ехал домой и невольно вспоминал Анастасию. Какие у нее необыкновенные глаза, какая стройная фигура. И какой отвратительный характер! Неужели девушке больше нечем заняться?

Большинству ее ровесниц дела нет до развалин. Им интереснее пройтись по бутикам, посидеть в кафе, посплетничать, всю ночь отрываться в клубе, флиртовать с мужчинами.

Впрочем, сейчас мне надо думать не о взбалмошной девице, а о том, где взять няню для Маши. Двое детей – это сложно. Особенно если матери практически нет.

Мы с женой развелись полгода назад. Жанна вышла замуж почти сразу после развода. Ее новый муж – весьма пожилой банкир. Она ему годится во внуки, если не в правнучки. Перед нашим расставанием она заявила, что я мешаю ей расти и развиваться. Даже подумать не мог, что под развитием она подразумевает банкиров глубоко за семьдесят. Впрочем, моя бывшая жена всегда отличалась оригинальными взглядами на жизнь. Тут она пошла в свою маму.

Когда мы поженились, ей еще не исполнилось и девятнадцати. Моя избранница училась в Мединституте на психолога. Красивая, веселая, раскованная блондинка с потрясающей фигурой. Тонкая талия, большая грудь, стройные бедра.

До свадьбы характер у нее был легкий, покладистый, просто золото. Но позолота быстро облезла без следа.

Я влюбился по самые уши. Жанна пленила меня не только красотой и веселым нравом, но и удивительно богатым опытом в вопросе как ублажить мужчину. Я не смог перед ней устоять.

Девушка из состоятельной семьи, есть коммерческая недвижимость. Мама – вдова академика. Несколько эксцентрично выглядит, но я же не на ней женюсь. Родители одобрили мой выбор. Что еще надо для полного счастья? Оказалось, многое.

Жанна родила Максима через год после свадьбы. Не прошло и месяца, как материнство ее утомило. Вместо кормления грудью она ходила на маникюр. Вместо педиатра посещала косметолога. Жена не собиралась сидеть дома с ребенком. Она решила стать психологом и строить карьеру.

Моя жена блестяще закончила Мединститут. Так она рассказывала своим друзьям. На самом деле я за нее платил, а она иногда появлялась на занятиях. Красный диплом Жанне помогла получить ее мама. У нее обширные связи в городе.

Конечно же, психологом она не работала ни дня. Какой смысл, если муж в состоянии обеспечить роскошную праздную жизнь?

Я понял, что совершил роковую ошибку, женившись на Жанне, уже года через три, если не раньше. Но не хотел признаваться в этом даже самому себе. Убеждал себя, что она

еще слишком молода, со временем все изменится. Однако Жанну не интересовала семья, ей не нужен был маленький сын. Для него наняли няню.

Моя жена вечно пропадала в фитнес-клубах, салонах красоты, самозабвенно занималась теннисом. Ходила с подружками по бутикам. Ей нравилось сопровождать меня на светских вечеринках. Но для крепкой семьи этого мало. Наш брак стремительно катился в пропасть.

Последней попыткой спасти его было рождение Маши. Жанна хотела сделать аборт, но я был категорически против. Надеялся, что второй ребенок сделает Жанну более ответственной. Но она по-прежнему оставалась девушкой, которую интересуют только развлечения.

Год назад Жанна заявила, что нашла истинную любовь. Детей забирать не будет. Но я должен позволять ей видаться с ними в любое время. Меня это устроило. Мы расстались мирно. Конечно, за это я заплатил большие отступные.

Но скоро понял, что пусть Жанна была никудышной женой и матерью, мне без нее сложно. Хотя за детьми почти всегда присматривала няня, Жанна худо-бедно ими занималась. И частенько пристраивала их своей маме.

Когда стало ясно, что мы расстаемся, Жанна совсем потеряла интерес к детям. И они, безусловно, почувствовали это. Конечно, я тоже не слишком много уделяю им внимания. Но что делать? Чтобы хорошо жить, надо много работать.

Вот я и работаю. Днюю и ночью в офисе и на строй-

площадках. Управлять большой строительной фирмой очень непросто.

За последний год дети сильно изменились. Максим стал нелюдимым и дерзким, а Маша невообразимо капризной.

Какая бы ни была мать, детям без нее плохо. Няни сменяли одна другую. Никто долго не выдерживал. Проказы Маши и Максима хоть кого доведут до инфаркта.

Бывшая жена изредка навещает детей. Чтобы сделать с ними селфи и изобразить заботливую мать. Иногда она просит у меня денег. Видимо, от мужа у нее есть секреты и не всегда можно взять денег у него.

Если сумма не слишком велика, почему не помочь? За это моя бывшая теща время от времени берет внуков к себе. Но дети не любят гостить у бабушки. Та поглощена устройством личной жизни. Ей некогда возиться с внуками.

Последнее время я слишком занят на работе, один объект сложнее другого. Да еще всякие активисты суют палки в колеса. Поэтому не получается уделять Маше и Максиму должного внимания. Положение могли бы исправить мои родители. Будь они рядом. Но увы...

Мои родители уже много лет живут на Мальте. Сюда приезжают редко. Отец неплохо раскрутил там строительный бизнес. Мама с ним. Отцу давно пора отдыхать. Но он из тех людей, которым покой только снится. Дети подолгу гостят там. Мама предлагает вообще забрать внуков к себе. Но тогда я буду видеть детей очень редко. Нет, для меня это не

вариант.

До дома добирался больше часа – не мог выехать из центра. Пробки на каждом перекрестке. Мой коттедж находится недалеко от города. Тихое уютное местечко. Недалеко озеро, поросшее ивами.

У нас большой участок, на котором уместились и зеленые лужайки, и теннисный корт. Ухоженный парк в английском стиле, много роз. Недавно поставили фонтан перед домом. Конечно же, хороший бассейн. Дети должны плавать, это полезно для осанки.

В часе езды отсюда живет теща. Она романтичная натура, любит природу и постаралась максимально приблизить место своего обитания к природе. Коттеджный поселок, где она живет, окружен лесами и лугами. Коровки, барашки. Натуральная пастораль.

Могла бы присматривать за детьми за то, что я отвалил ее дочери бешеные деньги. Но нет, ей это не надо.

Вошел в холл. Он встретил меня прохладой и залиvistым смехом Маши.

– Вперед, мой Орлик, – кричала она.

Здоровенный телохранитель Андрей стоял на четвереньках. Вокруг шеи был повязан мой галстук от Армани. На спине вместо седла привязана диванная подушка. Тоже моими галстуками. На подушке гордо восседала Маша, как заправская амазонка.

– Вперед, Орлик, едем к папе, – она слегка постучала по

бокам верного коня пятками.

– Добрый день, Станислав Игоревич, – произнес Орлик человеческим голосом. В его глазах читалась невысказанная мольба: «Купите девочке пони!»

– Добрый день, – кивнул я, сдерживая улыбку. Андрей выглядел забавно.

– Конь должен ржать, а не говорить, – резонно заметила Маша.

– И-го-го, – обреченно заржал Андрей.

– Вот, так правильно. Привет, папа. Я хочу тебя поцеловать! Я соскучилась!

Я подхватил дочь на руки, она впечатала мне в щеку громкий поцелуй.

– Фу, ты такой грязный! – Маша замахала руками. – Как поросенок.

– Да, милая, я был на работе и испачкался.

Андрей поднялся на ноги, снял с шеи галстук, отвязал подушку. Все это хозяйство протянул мне.

– Я могу идти? – в его голосе я уловил слабую надежду.

– Да, разумеется. Большое тебе спасибо, – искренне поблагодарил я телохранителя. – Они тебя не слишком замутили?

– Да как вам сказать? – Андрей отвел взгляд в сторону.

– Понял. Премия в двойном размере тебе обеспечена.

– Спасибо. Но лучше меня больше к такой работе не привлекайте.

– Постараюсь. А где Максим?

– Разбирает пистолет у себя в комнате.

– Пистолет? Да ты с ума сошел! – я бросился на второй этаж в комнату Максима.

– Не переживайте, Станислав Игоревич. Я ж не идиот, – обиженно крикнул мне вслед Андрей. – Это учебный муляж. В него даже пулю вставить нельзя. Только Максиму об этом не говорите. Я сказал ему, что это настоящий.

Максим сидел за столом и с увлечением ковырялся в железках. Комнату он более-менее убрал.

– Максим, как дела?

– Привет, па, – он даже не поднял головы. – Нормально. Машка капризничала весь день.

– Что случилось с няней? Почему она ушла?

– Ну, как тебе сказать... – сын оторвался от пистолета. – Ничего страшного не произошло. А что это ты весь в пыли?

– Я работал.

– Землю что ли копал? – не унимался сын.

– Нет. Не отвлекайся, рассказывай.

– Мы гуляли с Машей в саду. Она увидела жабу. Маленькую. Сначала жаба была одна. Потом оказалось, что их много. Видимо, выводок.

– Нет, это было стадо, – в комнату вошла Маша в сопровождении Андрея. – Они были маленькие и одни. Лягушечки потерялись.

– Короче, па, Машка собрала их в коробку из-под печенья.

Ну, положила туда листьев, цветов...

– Чтобы им было хорошо, – вставила дочка.

– Коробку кто вам дал? – строго спросил я.

Дети переглянулись.

– Я высыпал печенье в тарелку, – наконец выдал Максим.

– Без спросу. Я так и понял.

– Елена Павловна занята, зачем ее отвлекать? Я все аккуратно сделал, ничего не просыпал, – в логике сыну не откажешь.

– А где в это время была Полина Васильевна? – интересно, куда смотрела няня?

– Она по телефону разговаривала. Видела, что мы играем, зачем ей к нам приставать?

Вообще-то могла бы поинтересоваться, чем заняты дети. Так, на всякий случай. А не по телефону трындеть.

– И что было дальше? – поторопил я детей.

– Принесли мы коробку домой. Машка поставила ее на стол в столовой. Мы хотели дать жабам немного колбасы и налить воду, чтобы было что пить. Маша пошла к себе, она решила пустить жаб в игрушечный домик. Тот, что ты привез из Англии.

– Там лягушечкам было бы уютно, – заметила Маша.

– Но она немного задержалась. И тут в столовую вошла Полина Васильевна. Она собиралась пить чай, – Максим замолчал.

– Ну, давай, рассказывай дальше.

– Ты же все и без меня уже понял, – потупился он.

– Нет, пока еще не понял.

– Полина Васильевна открыла коробку.

– Няня очень громко закричала. Я уронила домик. Себе на ногу. И заплакала. У меня синяк. Вот, смотри, – показала Маша.

– Полина Васильевна запрыгнула на стул. Коробка упала. Чай разлился. Прибежали Андрей и Елена Павловна.

Представляю, какой был бедлам в доме.

– Жаб мы всех собрали, – заверил меня Андрей. – Я лично собирал. Вернул их в сад на то же место, где взяли дети.

– Я показала, откуда мы их унесли. Андрей сказал, что не надо никого брать из природы домой. Что мама теперь их ищет. Мне стало жалко их маму, – всхлипнула Маша. – Я даже заплакала.

– Ревела она долго, – вздохнул Максим.

– Нет, недолго! Недолго! – Маша была готова снова заплакать.

– Нюня-Манюня! – поддел ее Максим. – Плакса!

– Глупый дурак! – парировала дочка.

– А ну, прекратили оба! Немедленно! – гаркнул я.

Дети испуганно замерли и замолчали.

– Все, успокоились? – мне не хотелось их пугать. Но как тут иначе навести порядок?

– Да, папа, – дружно закивали они.

– В город не поехали, – доложил Андрей. Он не только те-

лохранитель, но и шофер, когда это требуется. – Полина сказала, что дети наказаны и будут весь оставшийся день сидеть дома. Я собирался позвонить вам и уехать, раз везти никого никуда не надо.

– Так это еще не конец? – изумился я.

– Нет, папа, – мрачно признался Максим.

– Что еще произошло?

– Я сидел у себя. Играл, никого не трогал... – сын осекся.

– Играл? Я же тебе запретил сидеть около ноутбука.

– А что было еще делать, раз остались дома? И я совсем немного, полчаса, не больше. Потом пришла Машка и позвала меня помочь ей собрать лего. Мне не хотелось, но она разнылась и я пошел.

– Я не ныла! – надулась Маша.

– Еще как ныла! Достала она меня.

– Давай, рассказывай дальше, – велел я.

– Мне не хотелось с ней возиться. Ты всегда говоришь, что надо себя подбодрить, если вынужден делать что-то нужное, но скучное. Ведь так?

– Так, – согласился я. – И чем же ты себя подбодрил?

– Я взял мороженое.

– Без спроса?

– Елена Павловна убирала на втором этаже. Она была занята.

– Ясно. Взял без спроса, – подытожил я.

– Можно сказать что так. Машка сидела в гостиной на по-

лу. Раскидала все вокруг. Я сел рядом. Мороженое мне мешало... Не на пол же ставить тарелку? Честное слово, я не видел, что Полина Васильевна садится на стул.

– Папа, тарелку она не раздавила, – обрадовала меня Маша.

– Полина Васильевна снова закричала, подскочила метра на два, не меньше. Стул упал, мороженое тоже. Тарелка разбилась. Машка завизжала от страха. Она жуткая трусиха.

– Я не трусиха, – насупилась Маша. – Но няня очень громко сначала кричала, потом ругалась. У нее на юбке получилось большое пятно.

– Елена Павловна сказала, что попробует его замыть. Но Полина Васильевна разоралась и ушла. Все.

– Нельзя говорить о взрослых «разоралась», – наставительно заметил я сыну. – Это неуважительно.

– Но она и правда разоралась. На ровном месте. Сказала, что ее терпение лопнуло.

Чисто по-человечески я Полину понимаю. Маша очень непоседливый ребенок. Она подвижная, любопытная. Для пятилетней девочки у нее масса идей, которые она немедленно воплощает в жизнь. За ней нужен глаз да глаз. Да еще Максим масла в огонь подливает. Вдвоем они любого сведут с ума.

Садик решил бы проблему, но Маша ходит в него один день и болеет две недели, а то и больше. Педиатр вынес вердикт – ребенок не садиковый.

– К школе все наладится, – завершила меня врач. – А пока водите девочку по кружкам и секциям. Для общения этого вполне достаточно.

Увы, художественная студия и школа танцев, куда ходит дочь, летом не работают.

С Максимом проще. Он уже взрослый, ему можно объяснить, что можно, а что нельзя. И, тем не менее, из летнего детского спортивного лагеря его выпроводили.

Он собрал друзей, и вечером они сбежали из лагеря. Сделали на берегу ручья шалаш. Хорошо, хоть костер разводить не стали. Нашли их под утро, продрогших и голодных. Максима, как зачинщика, отправили домой.

Когда я забирал его, то спросил, зачем он убежал?

– В лагере режим дня и скучно, – объяснил мне сын. – Мы бы вернулись к утру, но нас нашли раньше.

– А если бы вы попали в беду? Кто-то из вас мог упасть, сломать ногу или руку. И кто был бы виноват?

– Волков бояться – в лес не ходить. Ты сам мне все время говоришь, что надо становиться самостоятельным.

Что на это можно ответить? Я сам был сорвиголова. Мальчишки такими и должны быть, а не сидеть за идиотскими компьютерными играми. Короче, воспитатель из меня никакой.

Теперь дети сидят дома. Максим три раза в неделю посещает секцию борьбы. А остальное время мается в четырех стенах.

За Машей присматривает няня. Хотя уже не присматривает. Придется искать новую. Но не думаю, что она задержится у нас надолго. И как тут быть?

Да, воспитание детей – дело непростое. Я вздохнул и отправился приводить себя в порядок. На губах все еще чувствовался привкус штукатурки.

Мысленно я опять возвращался к Асе, необычной девушке, которая так испортила мне сегодняшний день. Вспомнил темные глаза, большие, влажные, как у испуганной лани. Девушка крепко обняла меня, а ее сердечко загнанно колотилось. Испугалась, дурочка. А ведь сама себя прицепила к двери. Вот у девушки фантазия! И какая смелость! Я вспоминал тепло ее тела, которое чувствовал через одежду, мягкие, припрошенные пылью волосы.

Возможно мы еще встретимся. На очередной развалине, которую она будет защищать. Как жаль, что мы по-разному смотрим на жизнь. И почему мне так хочется снова увидеть эту ненормальную?

Глава 6. Стас

Неделя выдалась тяжелой. Пришлось срочно менять весь график работ. Особняк Фридолина снести не дали. Мои юристы посоветовались и вынесли неутешительный вердикт – об этом объекте мы можем забыть. Ладно, не конец света. Найдутся и другие.

В пятницу я чувствовал себя как выжатый лимон. Приполз домой. Хорошо, что Елена Павловна все-таки пошла мне навстречу и согласилась присматривать за Машей. Да и за Максом нужен глаз да глаз. От его постоянных идей даже у меня голова идет кругом.

Маша повисла у меня на шее. Макс радостно показал на удочки, что стояли у дверей в холле.

– Ну что, па, завтра едем?

Нет, не едем. У меня работа. И в субботу, и в воскресенье. Встреча с подрядчиками. Только как сказать об этом сыну? Я же ему обещал, что в эти выходные мы поедем на рыбалку на озера с ночевкой. Я и Машу планировал взять. Уже куплена удобная палатка и спальники. Удочки давно ждут своего часа.

– Максим, – начал я издалека, – у меня на работе получилась накладка. В выходные мне придется пойти в офис.

– Ясно, – надулся сын. – Я так и знал. Тебе вечно некогда. Зачем тогда обещал?

– Я не предполагал, что так получится. Мне спутали все карты, так сказать. Один объект закрыли. Теперь решаю вопрос с новым.

– Раз мы никуда не едем, зачем ты мне удочки купил? Все лето обещаешь, что поедем на рыбалку. Такой спиннинг отличный! И что мне, в бассейне рыбу им теперь ловить?

– Понимаешь, чтобы я мог тебе покупать хорошие вещи, в том числе удочки, мне надо много работать.

– Надо много работать, чтобы хорошо отдыхать. А отдыхать некогда. Так зачем много работать? – сын развернулся и побежал наверх.

– Папа, а мы что, будем сидеть с Елпалной? – спросила дочка. – С ней скучно... Она вечно занята.

– Нет, у Елены Павловны выходные. Вы поедете к бабушке Анне. Я уже договорился.

– Нет! Не хочу-у. У нее еще скучнее, – заныла Маша.

– Я постараюсь освободиться пораньше, и приеду к вам. Мы будем играть. Во что ты хочешь?

– В прятки.

– Для этого у вашей бабушки есть отличный сад. Я привезу мороженое. Или что ты хочешь? Персики? Помню, ты их любишь. Будем купаться в бассейне. Сходим в лес, поищем грибы. Ну что, договорились?

– Нет, – отрезала дочь. – Ты всегда быстро уезжаешь, а мы сидим одни. Бабушка тоже занята. У нее ску-у-учно...

Знаю я, чем она занята! Ума не приложу, как это деликат-

нее объяснить детям. Маше пока все равно, а Максим уже все отлично понимает.

– Я никому не нужна-а... – тяжело вздохнула дочка и собралась пустить слезу. – И тебе не нужна... Ты меня совсем не любишь...

– Ну что ты, милая. Я тебя очень-очень люблю, моя принцесса. Только в эти выходные папа занят. Ты же все понимаешь, правда? – я обнял Машу.

– Я хочу быть с тобой, – заныла дочь.

– Давай мы с тобой поиграем сегодня? У нас впереди весь вечер, – с каким удовольствием я бы растянулся на диване и уснул перед телевизором. Или выпил виски. Лежал бы в шезлонге перед бассейном и ни о чем не думал. Но что ни сделаешь, ради удовольствия дочери.

– Когда? – насторожилась Маша.

– Сразу после ужина.

– Да! – закричала дочка, запрыгала на месте, как мячик, и захлопала в ладоши. – Ты будешь конем. Как Андрей. Только он Орлик. А ты будешь... – она на мгновение задумалась. – Ты будешь Красавчик. Нравится?

– Очень нравится.

– Мы поскачем на лужайку за домом. Ты умеешь брать препятствия?

– Не знаю, – честно признался дочери. – Ни разу не пробовал.

– Андрей может. И у тебя получится. Главное, – в себя ве-

рять. Ты будешь прыгать через лавку, бегать галопом и рысью.

– Хорошо, – обреченно кивнул я. Лишь бы не начала меня кормить травой.

Маша умчалась подбирать подушку для седла.

– Только не бери больше мои галстуки, – крикнул я ей. – Попроси у Елены Павловны шнур. Она найдет. Скажи, нужно для меня.

Надеюсь, домработница не предложит в придачу к шнуру мыло?

Интересно, Андрей легко брал препятствия? Но что-то я смутно представляю, как это должно выглядеть. С четверенек прыгать еще не приходилось. Только бы дочку не уронить.

Поднялся к Максусу. Тот лежал на кровати и демонстративно смотрел в потолок. При моем появлении он даже не пошевелился.

– Обиделся? Ну, прости. Не все от меня зависит. Обещаю, в следующий раз у нас все получится.

– Ты всегда так говоришь, – буркнул сын. – И в прошлые выходные, и в позапрошлые. Уже середина лета, еще немного и оно пройдет, а мы так на рыбалку и не выбрались. И вообще никуда не выбрались. Тебе лишь бы меня с рук сбыть. Засунул в этот дурацкий лагерь. Да там с тоски можно повеситься.

– Максим, так говорить нехорошо, – заметил я.

– Ладно, не буду. Могу вообще не говорить.

– Не вредничай, пожалуйста. Я стараюсь как могу. Но не все получается. Так помоги мне. Позанимайся с Машей. А то ты только ее дразнишь. Ей тоже скучно. Я не могу разорваться, не могу забросить бизнес. Ты уже взрослый, должен понимать.

Сын молчал и внимательно разглядывал потолок.

– Завтра утром я отвезу вас к бабушке. Как только освобожусь от дел, приеду. Мы успеем сходить на пруд порыбачить.

– Ага, пятнадцати минут хватит, – не выдержал сын. – Самое то для рыбалки. Ты уж меня лучше дома оставь. Пусть к бабушке одна Машка едет.

– Она одна не поедет. Вспомни, какой она нам концерт закатила в прошлый раз.

– Так что, я всю жизнь за ней должен таскаться? – возмутился Макс. – Я ей не нянька, если что. Почему ты новую няню не нанял?

– Не успел. И это не так просто, как ты думаешь. Не могу же я взять человека с улицы? Мне нужны рекомендации, уверенность, что она надежный человек.

– Похоже, все надежные няни закончились, – саркастически заметил сын. – Никто Машку долго выдержать не может.

– Максим, я тебя очень прошу, езжай завтра к бабушке. Не создавай мне дополнительных проблем, и так голова пухнет.

– Можно мне будет покататься у бабушки на квадроцик-

ле? По-другому не поеду, – сказал как отрезал Макс.

Похоже, мой сын меня шантажирует? Дожили...

– Только аккуратно. И на том, что с электрическим приводом. Про бензиновый забудь. К нему даже не подходи.

– Это не квадроцикл, а самокат.

– Колес четыре? Четыре. Сидений два? Два. Значит – квадроцикл.

– Он еле едет, – не унимался сын. – И колеса у него малявочные. Их не четыре, а три. Просто переднее сдвоенное. Самокат это самый настоящий. Только с сиденьями.

– Нормально он едет. Тебе быстрее не надо. И не забудь каску надеть.

Сын хорошо водит и квадроцикл, и автомобиль. Но я позволяю ему делать это только под моим чутким руководством. Мал он еще для серьезной техники.

– Может мне еще и скафандр надеть? Папа, я уже взрослый!

– Это мое условие.

– Нет, это неинтересно, – Макс снова уставился в потолок.

– Я приеду завтра вечером. Тогда и сможешь покататься на большом квадроцикле. Пожалуйста, Максим, не упрямысь. У меня эта неделя была тяжелая. Я бы с удовольствием отдохнул, но не могу. Так хоть ты мне нервы не трепли.

– Ладно, па, можешь на меня рассчитывать. Только вечером мы обязательно поедem в поле и там я покатаюсь на настоящем квадрацикле. Обещаешь?

– Да, это я тебе точно обещать могу.

Мы ударили по рукам.

После ужина я долго катал дочь по лужайке, изображая горячего скакуна. Она заливисто смеялась, и это грело мне душу, как ничто другое.

Макс немного пообижался, но вскоре присоединился к нам. Потом мы играли в мяч, в прятки. Когда стемнело, сидели на веранде и пили ароматный чай.

Я показал Маше, как надо заваривать его с мятой. Мятую мы собрали вместе, на огорожке за домом. Елена Павловна завела его, чтобы зелень была свежая, с грядки.

Как бы я обходился без этой замечательной женщины? У нее ангельское терпение. Она начала работать еще у моих родителей. Ей шестьдесят. Могла бы сидеть дома, отдыхать. Но она не бросила меня. Мы уже давно одна семья.

Правда, иногда и у нее лопается терпение, и она грозитя уволиться. Но я знаю, поворчит немного, остынет и все будет как раньше. Дети очень любят ее, хотя и побаиваются. Елена Павловна строгая. Поблажек не дает.

Жаль, не соглашается быть няней. Уверен, у нее все бы получилось. Хотя в ее возрасте бегать за Машей безусловно тяжело. А дочка у меня очень подвижная.

После чая продолжили играть в прятки. Теперь в доме. Еле-еле уговорил детей идти спать. Долго сидел с Машей, читал ей сказки. Она очень любит «Храброго портняжку» братьев Гримм.

Скоро у меня начали слипаться глаза. Я бубнил себе под нос что-то нечленораздельное.

– Не так, не так! – возмущалась дочь. Она знает эту сказку наизусть.

Наконец Маша уснула. Я поцеловал ее в щеку. Она приоткрыла сонные глаза.

– Я люблю тебя, папа, – пробормотала дочь.

– И я люблю тебя, моя принцесса, – почти беззвучно прошептал я, поправив ее подушку.

Маша улыбнулась, повернулась набок и положила ладошки под щеку.

Вот ради этого и стоит жить на свете. Что еще нужно для счастья? Чуть больше времени для общения с детьми. Больше ничего. Но его так трудно найти в нашей суматошной жизни.

Глава 7. Стас

Выехали к бабушке в субботу рано утром. У меня начало совещания в десять. Надо еще успеть вернуться. Час туда, час обратно. Проснулись дети с трудом. Едва притронулись к завтраку. Макс недовольно бурчал, Маша ныла. Наконец погрузились в машину.

Не успели отъехать, как Маша вспомнила, что забыла любимого зайца где-то дома. Расплакалась. Пришлось возвращаться, искать его. Плюшевый заяц забился в угол дивана в гостиной. Похоже, он тоже не хотел ехать к моей дорогой бывшей теще. Как же я понимаю и детей, и зайца. Но что делать? У Елены Павловны выходные. Ей хоть иногда надо отдыхать от нас.

Ехали молча. Маша клевала носом, прижимая к себе плюшевого зайца. Макс с недовольным видом смотрел в окно. Потом уставился в айфон.

– Максим, хватит портить глаза, – попросил я сына.

– Я совсем немного.

– Не надо. Я тебе сколько раз говорил, чтобы ты не играл в машине. Укачает. Тошнить будет.

– Я чуть-чуть. И меня не укачивает, я же не маленький.

– Убери, я сказал, – рыкнул на сына.

Тот недовольно засунул айфон в карман.

Сначала ехали вдоль полей. Золотые подсолнухи повер-

нули головы к солнцу. Желтые поля простирались далеко, до темного леса.

На трассе было пустынно. Только изредка попадалась одинокая легковушка или рейсовый автобус. Скоро по сторонам замелькали сосновые леса. Места тут грибные.

В детстве ездил сюда с родителями. Мама отлично солил грибы. На Мальте таких нет. Неужели им не хочется вернуться? Впрочем, они уже привыкли. Столько лет живут там. Мальта стала для них второй родиной. Одно время родители настоятельно звали меня переехать к ним с детьми. Я отказался.

Безусловно, так было бы проще для всех. Но я люблю свой город, свою страну. Одно дело путешествовать, а другое эмигрировать. Нет, это не для меня.

Впереди замаячил указатель. «Родные просторы» значилось на нем. Кованая стрелка указывала направо. Почти приехали. Миновали пункт охраны. Немного попетляли по поселку и оказались у ажурных кованых ворот. На видеокамере зажегся красный глаз. Ворота дрогнули, и бесшумно распахнулись.

Развернул машину на подъездной площадке. Зашуршал гравий под колесами. На высокое крыльцо вышла теща в шелковом пляжном халате. На голове широкополая шляпа из французской соломки. В руках чашка утреннего кофе. Черные волосы покрывают плечи. Зачем в преклонном возрасте дамы любят краситься в радикальный черный цвет?

Ума не приложу.

Теща поморщилась и улыбнулась широкой светской улыбкой. Ее и без того растянутый пластикой рот стал еще шире. Раскосые глаза смотрели холодно. Дорогая операция не сделала пятидесятипятiletнюю Анну моложе. Но прибавила ей уверенности в том, что она неотразима.

Анна не пришла в восторг от нашего появления, хотя я предупредил ее о визите за несколько дней.

– Бабушка! – Маша проворно выскочила из высокого внедорожника, подбежала к ней, обняла за ноги и едва не уронила.

Теща не спеша поставила чашку с кофе на мраморный па-рапет, осторожно погладила девочку по голове. Так я глажу уличных кошек. Вроде и приласкать хочется, и подцепить блох боязно.

Макс был более сдержан:

– Привет, ба! – это было все, что он посчитал нужным сказать ей.

– Сколько раз я просила не называть меня бабушкой, – мученически закатила теща ярко накрашенные глаза к бирюзовому небу. – Зовите меня Анна. Анна. Понятно?

– Да, бабушка, – бодро кивнула Маша.

– Ты неисправима, – вздохнула теща. – Стас, ну научи уже детей, как им обращаться ко мне. Сколько можно просить об этом?

– Хорошо, Анна, – кивнул я. – Постараюсь.

– Да уж, пожалуйста, – обиженно поджала она губы. – Какая я вам бабушка? Что за противное слово. Я – женщина бальзаковского возраста.

Да? Я всегда считал, что это до сорока лет, может чуть больше. А тут уже за пятьдесят. Ну, не хочет быть бабушкой – не надо, дело хозяйское. Главное, чтобы за детьми присмотрела.

На крыльцо вышел молодой мужчина в шортах и футболке. Нет, это был не мужчина – современный вариант Аполлона. Хоть сейчас на рекламу фитнес-клуба или какого-нибудь модного барбершопа. Кубики на его торсе выпирали через обтягивающую футболку. Широкоплеч, русоволос, бородат. На вид нет и тридцати.

Он поздоровался, равнодушно скользнул взглядом по детям.

– Аннет, дорогая, Бурбон закончился. Хотел сделать тебе коктейль...

– Роберт, какой ты заботливый, – она потрепала его по щеке, как щенка. – Ничего, велю купить. Вечером он у тебя будет.

Роберт поцеловал Анне руку.

– Познакомьтесь. Это – бывший муж моей дочери Станислав. Его дети – Максим и Мария. А это мой бойфренд Роберт, – познакомила нас Анна.

Бойфренд? Да он ей в сыновья годится! Увы, похоже, теща начинает потихоньку впадать в маразм.

И в прошлый раз, если не ошибаюсь, был Дэн. Но Дэн был постарше, лет сорока. А до этого Кирилл. Тоже совсем зеленый. Но его Анна бойфрендом не называла. Остальных ее мужчин уже не помню, как звали.

– Рад знакомству, – дежурно улыбнулся Роберт.

– Очень приятно, – я повторил его улыбку.

Маша с интересом разглядывала Роберта.

– А почему вы зовете мою бабушку Аннет? – искренне удивилась она.

– Немедленно иди в дом, несносный ребенок, – цыкнула на нее Анна.

– Ну почему? – не унималась Маша.

– Аннет, это по-французски Анна, – объяснил я ей. – Иди в дом, я сейчас принесу твои вещи.

Дочка запрыгала на одной ноге и скрылась в полумраке особняка.

– Анна, я очень прошу вас быть сдержанной с детьми, – слегка прорычал я.

– Я более чем сдержана, – парировала теща. – А тебе следует научить их хорошим манерам.

Макс мрачно посмотрел на меня. Он помог отнести мне вещи наверх.

– Папа, а это нормально, что у бабушки есть бойфренд? – спросил он.

– Это ее дело. Нас не касается, – что я мог на это ответить сыну?

– Так она же старая.

– Макс, я тебя умоляю, не ляпни ей такое.

– Да знаю я. Просто странно. Ведет себя как девочка. Это ж смешно. Еще бы на одной ножке прыгала, как Маша, и селфи делала.

Может и смешно, только мне не до смеха. И, предположу, селфи она делает.

Сразу от Анны направился в офис. Сегодня встреча с потенциальными партнерами. Сумею произвести друг на друга хорошее впечатление – будем работать. Новый проект обещал быть долгоиграющим и дорогим. Последнее самое главное.

В конференц-зале было прохладно. За большими окнами в пол открывался вид на город. Зной уже окутал его сизым маревом.

Большинство присутствующих за столом я знал. Сегодня встреча с представителями компании Мерседес. Планируется строительство очередного автосалона на объездной дороге.

Напротив меня сидела юрисконсульт директора автосалона. Роскошная девица в строгом костюме и дорогих очках. Их золотая оправка мерцала в полумраке кабинета. Рыжие волосы идеально уложены, сдержанный макияж, немного увеличенные губы. Дорогая штука.

Девица делала вид, что поглощена работой. Но время от времени я ловил на себе ее взгляды. Ничего так, ухожен-

ная, знает себе цену, держится надменно. Судя по голодному взгляду, в поисках очередного спонсора. Она просканировала всех мужчин за столом, и ее благосклонный взгляд остановился на мне.

Если позову ее вечером в клуб – возмутится. Обзовет нахалом. Потом еще немного поломается, изобразит неприступность и согласится. Этот типаж мне знаком до боли. Скука...

Но бабенка очень даже ничего. Можно после вечернего посещения детей закатиться с этой стервочкой куда-нибудь и потом продолжить вечер у нее или в отеле. К себе я подобных девиц не вожу принципиально. Жениться я не собираюсь, уже испытал, что это такое. А принимать любовницу в доме – глупость в высшей степени.

Расслабиться мне сегодня точно не помешает. Так почему не выбрать на вечер эту рыжую бестию?

Совещание закончилось.

– Простите, не знаю, как вас зовут, – подошел я к девушке.

– Александрина, – пафосно сообщила она мне.

– А я Станислав.

– Я знаю, кто вы, – холодно заметила рыжеволосая Александрина, томно подняв на меня зеленые глаза.

– Сложное сегодня было совещание, не находите?

– Да, утомительное.

– Не хотите вечером скрасить мое одиночество в ресторане «Звездное небо»? Выпьем по бокалу шампанского, немного потанцуем, – сразу перешел я к делу.

А чего тянуть? Я – молод, богат, сексуален. Ты тоже хороша. Ищешь потенциального партнера? А я ищу развлечений. Так почему бы не провести вечер и грядущую ночь вместе? Отличный вариант для обоих.

Дальше видно будет. Если девица мне понравится, возможно, наши отношения продолжатся еще какое-то время.

– За кого вы меня принимаете? – вскинула Александрина широкие брови, зардевшись от праведного возмущения.

– За очаровательную деловую женщину, которая немного утомилась за неделю. Я предлагаю вам только отдохнуть в хорошем ресторане, и ничего более. Вы не представляете, как скучны и тоскливы вечера холостяка.

– В «Звездное небо» надо бронировать столик за неделю, – снисходительно заметила девушка.

– У меня там постоянная бронь. Столик у окна. Отличный вид на ночной город.

– Да? – усмехнулась девица. – Но у меня другие планы на вечер.

– Жаль, – грустно вздохнул я. Сейчас она передумает и поменяет свои планы, даже не сомневаюсь. Цену Александрина себе уже набила. Пора переходить к следующему этапу – изобразить сомнение.

Девица смягчила взгляд. Упускать блестящую возможность заарканить меня она не собиралась.

– Пожалуй, я подумаю, – девушка порылась в клатче из кожи питона. – Вот моя визитка, позвоните мне часов в пять

вечера.

– Благодарю, – я едва подавил зевок.

Все, как и предполагал. Возмутилась, поломалась, согласилась. Банально, предсказуемо.

Однако вечер с этой красоткой провести можно весьма недурно.

Глава 8. Анастасия

Утро воскресенья началось с того, что я едва не опоздала на автобус с народниками. Они отправлялись в восемь от центральной площади.

Ник все-таки решил перенести генеральную уборку на субботу, и мы почти весь день драили квартиру. Моей маме очень нравится, что мой парень такой чистюля. А меня это иной раз просто бесит.

Ничего бы не случилось, без уборки в эти выходные. Мы и так следим за порядком. Ну, подумаешь, полы не блестят, и немного пыли лежит на мебели? Это же не конец света!

Тем более что убираться можно и по вечерам в будни. Но Ник страшный педант. Порядок для него превыше всего. Может, это и хорошо, но иной раз хочется раскидать все по квартире, оставить мытую посуду рядом с раковиной, а не расставлять ее в определенном порядке в сушилке. Порой такая чистота меня сильно раздражает.

– Может, ты отвезешь меня? – поинтересовалась я у Ника. – Я ненадолго. Мне только фотографии сделать. За час-полтора управлюсь.

– Нет, уволь. Дорога в один конец займет часа два, а то и больше. Потом ты там застрянешь, разглядывая свои любимые руины. И еще обратно ехать. Это весь день коту под хвост.

– Не хочется ехать с ансамблем. Они всю дорогу будут петь.

– Так не ездят. Тебя из-под палки никто не заставляет.

– Меня Виталий Викторович попросил.

– У него команда не маленькая. Может кто-то другой съездить. И я тоже буду завтра занят. Попробую договориться об интервью с главой спортивного клуба «Атлет». Раз ты меня покидаешь, хоть делом займись, – поддел меня Ник.

– Когда я продавала свою машину, мы договорились, что ты иногда будешь меня возить, – напомнила я Никите. – Деньги от нее пошли на покупку принтера и сканера. Для тебя брали.

– А себе ты купила рюкзак и берцы. Что ты копейки считаешь? Твоя развалюха все равно бы не проехала по раздолбанной грунтовой дороге. Села бы где-нибудь на брюхо и ждала помощи.

Тут Ник прав. Моя машина досталась мне от деда. Она гремела как ведро с гвоздями. Хорошо, что вообще продать ее смогла. Но свою службу она мне сослужила. Я училась на ней ездить.

Думаю, на новую денег накоплю нескоро. А как было бы удобно ни от кого не зависеть. И Ника дергать по пустякам не надо. Он и так частенько возит меня по делам и за продуктами.

Мы провозились с уборкой допоздна. Потом отлично провели время. Ник решил загладить свою вину передо мной. С

его стороны, безусловно, было натуральным свинством ничего мне не оставить на обед.

Оказалось, Никита купил еще бутылку вина и шоколадных конфет. Организовал романтический ужин. Свечи, тихая музыка. Лепестки роз на столе. И все прочее, что полагается в подобных случаях – нежные поцелуи, ласки и заверения в любви. Я была на седьмом небе от счастья.

Естественно, что утром едва смогла разлепить глаза. Будильник мерзко трезвонил. Он вырвал меня из сладких объятий сна. Я не сразу нашла часы. Долго тыкала в них пальцем.

– Да выключи ты его, наконец, – возмутился Ник. – Я спать хочу!

Хорошо, что вещи собрала с вечера. До места встречи добиралась пешком, благо живу недалеко. Неслась галопом, но успела.

В микроавтобус влетела запыхавшаяся как скаковая лошадь.

Через несколько минут водитель провел перекличку. Все оказались на месте, и автобус тронулся в путь. Я уже ездила с этой группой. Но сегодня ее состав несколько изменился. Было много новых лиц.

Группа состояла из восемнадцати человек, включая меня и водителя. Все места были заняты. На полу стояли большие клетчатые сумки. Те, что в моем детстве в конце девяностых называли «мечта оккупанта». Интересно, что в них может

быть? Раньше в таких возили вещи на продажу. Моя мама так подрабатывала.

Отметила про себя, что, кроме водителя и руководителя ансамбля с нами едут одни женщины. Все за сорок и старше. Три пенсионерки лет шестидесяти. Я оказалась самой молодой.

Дамы смеялись, делились впечатлениями от какого-то концерта, совали друг другу смартфоны с фотографиями детей и внуков. Дружный ансамбль. Как одна семья.

На меня, к счастью, никто не обращал внимания. Мне даже удалось немного вздремнуть в этом бедламе.

Первая остановка была возле пруда на краю какой-то деревни. Женщины выволокли из автобуса объемные сумки. В них оказались народные костюмы и музыкальные инструменты.

Дамы шутили и переодевались в рубахи и сарафаны, совершенно не стесняясь мужчин. Ну, это не мое дело. Я не заметила в глазах мужиков похотливого блеска. Очевидно, они уже привыкли к такому стриптизу.

Женщины разобрали трещотки, ложки и дудки. Одна надела себе на шею гусли.

Ансамбль расположился на песчаном берегу. Женщины поправляли громоздкие головные уборы, расправляли монисто и многочисленные нитки разноцветных бус. Весьма колоритно.

Предводителю народного ансамбля Павлу Романовичу

было лет сорок пять, может чуть больше. Худобой он напоминал Кощея Бессмертного в молодости. Длинные темные волосы собраны в низкий хвост. Длинная, но редкая борода. Скорее даже бороденка.

Через лоб с залысинами повязана яркая лента. Мужчина облачился в длинную льняную белую рубаху с алой вышивкой на груди и на рукавах. Широкие синие шаровары и высокие сапоги дополнили яркий образ народника.

– Восславим Яромира, надёжу и опору нашу! Кто мы без него? – спросил Павел Романович зычным голосом.

– Нет, никто! – хором ответили женщины и отвесили земной поклон.

Руководитель достал камертон, слегка щелкнул по нему ногтем, призывая к вниманию. Красивый жест, намекающий на то, что у мужчины музыкальное образование. Приятный высокий звук поплыл по воздуху.

Начавшаяся вслед за этим какофония из шумовых инструментов и нестройного пения заставила меня усомниться в том, что камертон вообще был тут нужен.

Мужчина самозабвенно дирижировал и подпевал женщинам низким басом.

Водитель время от времени бил в бубен и гудел в рожок. На водителе рубаха оказалась из желтого шелка без пуговиц. Он завязал ее полы на поясе. Рубаха больше подходила для цыганского ансамбля или для исполнителя венгерских танцев в оперетте. Очевидно, другой не нашлось. Мужчина на-

дел ее поверх футболки. На голове у него тоже красовалась пестрая лента.

Эхо нестройных голосов отражалось от водной глади и затихало в ивах, росших на противоположном берегу.

В деревне завывали собаки. Видимо, они не привыкли к народному пению.

Я прошлась вдоль пруда. Красивое место. От громких дребезжащих звуков рожка резало в ушах. Еще бы тишины сюда. Минут через двадцать вопли стихли, я вернулась к автобусу. Из ближайших домов к нам решительно направлялись местные жители. Некоторые держали в руках сельскохозяйственные орудия труда – грабли и лопаты. Похоже, их не сильно обрадовал визит народников.

– Все, поехали, – скомандовал предводитель, опасливо поглядывая на стремительно приближавшихся аборигенов.

Ансамбль спешно погрузился в автобус, и мы продолжили путь.

Одна из женщин затянула заунывную песню:

*– Матушка-голубушка! Ох!
Не отдай ты меня замуж! Ох!
Не люб он мне! Не люб! Ох!*

Остальные подхватили:

*– Не отдай, не отдай!
Лучше в речке утоплю-у-ся!*

Сплошной позитив! И полное отсутствие рифмы. Ее до-
полняли стоны и причитания.

Воткнула в уши наушники и поставила громкость на максимум. Рамштайн заглушил народников. Не слишком люблю тяжелый рок. Но в данном случае это единственное спасение.

Смотрела в окно и любовалась пейзажами. Какие просторы! Бескрайние поля, холмы, покрытые лесом.

Через Рамштайн нет-нет, да и пробивались зычные голоса народниц.

Свернули на грунтовую дорогу и затряслись по кочкам. Пару раз автобус сильно наклонялся в сторону. Мне казалось, еще немного и он свалится на бок. Но водитель уверенно вел его вперед. До усадьбы ехали долго, глотая дорожную пыль и подскакивая на ухабах.

Пение, наконец, прекратилось. Дамы принялись обмениваться пирожками, бутербродами и прочей снедью, что берут в дорогу. Меня это порадовало. Сейчас их рты были заняты активным поглощением пищи, а не пением.

Поняла, что тоже проголодалась. Я ж толком не позавтракала. Проглотила на лету кусочек сыра, запила водой и все. Времени у меня было в обрез, я опаздывала. Хорошо хоть успела бутерброды себе сделать. Так что на обед у меня еды достаточно.

Достала батончик из мюсли с сушеными фруктами и при-

нялась жевать его. Очень хорошо утоляет голод. И калорий немного.

Через час стало ясно, что мы заблудились. Водитель развернул автобус, и мы затряслись в обратном направлении. Навигатор в этой глуши не ловил. Ориентироваться не на что. Дамы начали недовольно переговариваться.

– А что, карты у нас нет? – возмутилась одна из них. – Скачать в мобильник нельзя было? Едем, едем и не знаем, куда?

– Да, сколько еще нам трястись по этой раздолбанной дороге?? – поддержала ее подруга.

– Не переживайте, – успокоил их руководитель. – Яромир-путеводец выведет.

Кто нас выведет? Что-то я ни про какого Яромира раньше не слышала. А руководитель ансамбля упоминает его уже второй раз.

Наконец вдали замаячила линия электропередачи.

– Все, понял, – радостно сообщил водитель. – Вдоль нее до развилки. Потом налево.

– Слава Яромиру! – возгласил руководитель громким голосом. – Ой ты гой еси, Яромир-всезнаец, Яромир-всевидец, Яромир-всеслышец.

– Слава, слава, Яромир! Слава, ой ты гой еси, Яромир! – заголосили дамы на все лады. – Путеводец наш! Не дал пропасть в безвременье! Не дал потеряться в пространстве!

– Давайте восславим его песней! – предложил Павел Ро-

манович.

Происходящее все больше настораживало меня. Я думала, что еду с музыкантами-народниками, а, похоже, они язычники-фанатики. Я еще на пруду предположила, что тут у многих с головой непорядок. Но не так же массово?

– Славься, ты славься, наш Яромир!

Славься ты солнышко наше!

Славься навеки, славься всегда,

Жизнь с тобой полная чаша!

Жуть кошмарная! Надеюсь, они скоро утомятся, и не будут голосить всю оставшуюся дорогу. Я воткнула в уши наушники. Ну, снова здравствуй, Рамштайн!

Глава 9. Анастасия

Автобус крикнул, хрустнул чем-то в двигателе и замер у двух кирпичных почти полностью развалившихся столбов. Когда-то давно тут был въезд в усадьбу.

Дорога закончилась. Через бывшие ворота проходила узкая тропинка, по которой, похоже, никто давно не ходил.

Мы вышли из автобуса. Я потопталась на месте, размяла ноги. Меня слегка качало после продолжительной тряски по грунтовой дороге. Достала фотоаппарат, повесила его на шею. Рюкзак закинула за спину. Все свое ношу с собой. Можно, конечно, оставить в автобусе. Но вдруг мне что-то понадобится?

Темный густой лес стоял перед нами. Еще можно было угадать среди зарослей два ряда лип. Когда-то давно эта аллея вела к дому. Все углубились в заросший парк. Цветастые юбки женщин цеплялись за репейники, коих тут росло в изобилии. Все-таки в лес практичнее ходить в штанах.

Мы дошли до небольшой поляны. Впереди виднелся остов дома. Все, что осталось от когда-то роскошного особняка. На месте поляны раньше была площадка. Кое-где на ней еще виднелись плиты из белого камня, плотно подогнанные друг к другу.

Женщины начали собирать хворост для костра. Вообще-то в лесу запрещено разводить открытый огонь. Но я

предположила, что напоминать об этом бесполезно. Лишь бы они не достали из автобуса идола и не начали приносить ему человеческие жертвы.

Я подошла к руководителю ансамбля.

– Павел Романович, тут смартфон не ловит. Боюсь отстать. Вы уж меня не потеряйте, пожалуйста. Вы через сколько собираетесь уезжать? Мне полтора часа хватит? Мне надо пройтись по усадьбе, сделать фотографии.

– Зови меня Елисей-живород, – заявил Павел Романович. – Я – верховный жрец Яромира-всезнайца. Надень юбку, ладо, и присоединись к нашему обряду.

Я слегка оторопела. Час от часу не легче. Со жрецами общаться мне еще не доводилось. Интересно, это выборная должность, или Павел Романович сам себя на нее назначил?

Речь руководителя народников изменилась. Он гордо выпячивал грудь, расправил хилые плечи. Теперь в разговоре упирал на букву «О» и заменял ею все что можно и что нельзя.

Юбки у меня с собой не было. Ни к чему я присоединяться не планировала. У меня другие задачи на сегодня.

– Спасибо за приглашение, но я тут по делу. Виталий Викторович вам, наверное, сказал – я должна предоставить фотофиксацию того, что осталось от усадьбы, – напомнила Живороду.

– Успеется, – Елисей-Павел-Живород дал знак одной из женщин, и она принесла мне юбку.

– Прими, ладо. Надень, – настойчиво совал мне Павел юбку. – Надень, не упрямясь, аки коза неразумная.

Зачем мне сдалась эта юбка? И что он там про козу говорит? На что намекает?

– Нет, спасибо, конечно, – отказалась я. – Мне без нее удобнее.

– Девушка-невинница должна носить юбку, а не ходить в портках, аки господин ея, – строго заметил Павел-Елисей.

Господин? Невинница? Идиотизм!

Итак, похоже, я вляпалась в секту. Только этого мне и не хватало, для полного счастья. А я всего-то фотографировать руины приехала.

Между тем адептки Живорода соорудили импровизированный очаг из камней и уже успели развести небольшой костер.

Они начали водить вокруг него хоровод и петь.

– Простите, но мне надо работать, – я постаралась побыстрее убраться с поляны.

На всякий случай потрогала в кармане моих широких брюк газовый баллончик. Он был на месте. Его подарил мне отец. Папа знает, что я порой хожу по таким местам, куда порядочную девушку в принципе занести не может.

Баллончик два раза помог мне избежать встречи с бродячими собаками. У баллончика очень интересный дизайн – это точная копия пистолета ТТ. Рассчитано на то, что не каждый хулиган решится приставать к девушке при оружии.

Меня догнала одна из женщин.

– Послушайте, девушка. Тут у нас обряд. Его нарушать нельзя. Все, кто приехал, должны принять в нем участие. Ничего особенного. Просто постоит с нами в кругу и все. Мы же вас сюда привезли, денег за поездку не взяли, – напомнила она мне. – Так окажите и нам любезность. Что вам, трудно, что ли?

– Ладно, просто постоять я могу. Но участвовать в ваших мистериях не буду, – предупредила ее.

– Никто об этом вас и не просит, – заверила меня женщина. – Только вот юбку наденьте, пожалуйста. У нас такой обычай.

– Но мне надо много чего сфотографировать. У меня времени нет.

– Вы все успеете.

Я надела юбку поверх брюк. От меня не убудет. Мы вернулись к костру.

Адептки Живорода стояли широким кругом вокруг очага.

– Круг магический, сил круг! – нараспев повторяли они. Сколько же идиотов собралось в одном месте!

К костру подошел Павел-Елисей. В одной руке он сжимал посох с большим алым кристаллом в наверху. Похоже, купил на Али-Экспрессе. В другой держал большую деревянную расписную чашу в форме лебедя.

Он отпил из чаши и пустил ее по кругу:

– Испейте зелья чудесного, зелья разума!

Женщины благоговейно припадали к напитку. Когда очередь дошла до меня я заглянула внутрь. Мутная жидкость плескалась в чаше. Резкий синюшный запах выдавал плохо очищенный самогон. Естественно, пить эту дрянь я не стала, просто передала ее дальше.

Посмотрела по сторонам. Водитель стоял поодаль и не пил. Хорошо, а то кто нас отсюда увезет?

– Сегодня мы воздадим величание Яромиру-всезнайцу. За то, что жизни нас научил, на путь наставил, умом-разумом одарил.

Дамы начали голосить на все лады.

– Гой еси, Яромир!

– Собралися с лесу густом невесты-невинницы, – нараспев продолжил Павел. – Читы телом, чисты умом-разумом. Из всех невест выберем одну для Яромира. Мой посох на нее укажет, изберет и счастьем одарит.

Если я правильно поняла, невинницы – девственницы. Ну и набрал он себе в команду невинных девушек! Всем глаубоко за сорок. Кому-то и того больше. Кто при детях, кто при внуках. Интересно, как это они умудрились невинность сохранить? Впрочем, возможно, пара настоящих старых дев тут все-таки имеется.

Павел начал медленно идти по кругу мимо женщин.

Дамы преобразились на глазах. Расправили плечи, выпятили грудь. На их лицах заиграли улыбки, глаза заблестели. Все хотели стать невестами Яромира.

Жрец подошел ко мне.

– Избрана! – возгласил он. – Вот на сегодня невеста Яромира. Возрадуйтесь и воспойте, девицы-красавицы.

Елисей слегка икнул и его посох с пластиковым кристаллом указал на меня.

– Нет, это неправильно, – возмутилась та дама, что угостила меня принять участие в этом цирковом представлении. – Она не наша, не посвященная. И она вообще не хотела юбку надевать. Паша, это нарушение обряда. Так нельзя.

Видимо, дама мечтала на сегодня стать невестой. А тут такой облом.

– Неважно. Так пожелал Яромир, – прервал ее возмущения жрец.

– Павел, мы же ее совсем не знаем, – возмутилась еще одна. – Мы для тебя стараемся, а ты привел постороннюю и сразу выбрал невестой.

– Да, да, мы ее не знаем! – поддержали бунтарок еще несколько женщин. – Пусть уйдет.

– Во время обряда я Елисей-Живород, если кто забыл! – огрызнулся жрец. – А не Павел. И мне решать, что и как правильно. Не мешайте обряду.

Дамы обиженно замолчали.

Жрец поправил на лбу ленту и снова вошел в образ:

– Идем, невинница в чертоги не каменные, а лесные. Под куст бузины алой. Там через меня станешь ты женой Яромира-всезнайца.

Какой такой женой? Сдурел совсем что ли? Ишь, размечтался! Фиг тебе, а не невеста. Мне стало смешно.

– Нет, я никуда не пойду. Я на это не подписывалась.

– Тебе понравится, – заверил меня жрец.

Да неужели? Он что, серьезно думает, что я сейчас побегу за ним в кусты предаваться разврату? Какое, однако, у жреца самомнение!

– Нет уж, дальше продолжайте свои обряды без меня, – я сняла юбку и отдала ее ближайшей ко мне женщине. – К тому же я вам не подхожу. Я не невинница. В смысле не девственница.

– Это дело поправимое, – Павел слегка стукнул меня посохом в лоб. – Возвращаю тебе невинность, ладо.

– Что, все так просто? – удивилась я, нервно хихикнув. Посохом по лбу и снова девственница!

– Это дар волшебный, только мне даденный, – объяснил мне Павел. – Не физически, а духовно стала ты невинницей.

Судя по запаху, исходящего от жреца, он уже изрядно на лакался самогона. И когда только успел, кобель похотливый?

– Короче, я в ваших игрищах не участвую. Ищите себе другую невесту, – заявила я, отступая.

– Не противься! – грозно произнес жрец, шагнув ко мне.

Сторонники жреца разделились на два лагеря. Одни двинулись к нам, очевидно собираясь помочь предводителю. Другие сбились кучкой, недовольно перешептываясь. Моя кандидатура в невесты их не устроила.

Павел Романович протянул ко мне руку.

Ладно, сам напросился. Я отступила назад, выхватила из кармана газовый баллончик-пистолет. Направила его в сторону Павла-Елисея. Тот побледнел и замер на месте. Дамы завизжали, отбежали от меня подальше.

– Лучше не подходите, – слегка рыкнула я и предупреждающе щелкнула курком.

– Сдурела совсем? – возмутился жрец, перестав окать и слегка протрезвев. – Я к тебе со всей душой. Это ж обряд такой.

– Да идите вы со своим обрядом куда подальше.

– Она его нарушила, прервала обряд! – загалдели женщины. – Не будет теперь у нас достатка. Не будет радости. Поручила вековой закон, все пропало, все пропало!

И мне с этими ненормальными предстоит возвращать домой. Они ж мне весь мозг вынесут своими причитаниями и упреками.

– Едем отсюда, – заявил Павел Романович. – Теперь надо все начинать сначала. Сколько я сил положил, сколько труда! И все разрушила тупая... – он осекся и скосил глаза на мой пистолет. Продолжить фразу Живород не решился.

Я поняла, что ничего сфотографировать теперь точно не успею. Жаль. Зря проездила. Следующий раз пусть Иванов ищет мне нормальных попутчиков, а не идиотов-сектантов.

Женщины с причитаниями бежали к автобусу. Предводитель подгонял их посохом. Как стадо овец.

– Быстрее, быстрее, прочь отсюда. Место осквернено. Нам надо очиститься.

Я тоже поспешила за ними. Обидно, что ничего сегодня не получилось. Подошла к микроавтобусу. Перед моим носом громко захлопнулась дверь.

– Оставайся тут, коза безмозглая, – крикнул мне в окно Павел Романович и погрозил посохом. – Пешочком пройдешься, не развалишься.

Не успела я и рта раскрыть, как автобус фыркнул, обдал меня выхлопными газами, рванул с места и скрылся в клубах дорожной пыли.

Вот это номер! Такого я не ожидала.

– Сектанты ненормальные! – в сердцах крикнула им вслед. – Придурки!

Я подняла глаза к небу. Солнце в зените. Жара. До ближайшей деревни километров пятнадцать, может и больше. Топать часа три. Хорошо хоть карту в смартфон скачала.

Я поправила на плечах рюкзак. Раз уж я тут осталась, то сделаю фотографии, а потом буду выбираться к людям. Туда, где есть мобильная связь и можно вызвать такси. А лучше попрошу Ника меня забрать. Ничего, отложит он свои дела ради меня. Не так часто я его о чем-то прошу.

Я вернулась к остаткам дома, загасила костер и начала фотографировать. Красиво тут, таинственно. Старинная липовая аллея ведет в темный лес. В ее конце когда-то был пруд. Надо дойти до него, посмотреть, осталось ли что-то или он

совсем пересох и зарос.

Немного жутковато. Ведь я совсем одна. И как тихо. Только легкий ветер шумит листвой. Солнце пробивалось через кроны деревьев и кидало косые лучи на истертые старинные плиты площадки.

Продолжила фотографировать. Жаль, что все разрушено. А ведь когда-то давным-давно тут жили люди.

Неожиданно я услышала детский плач. Не поверила своим ушам. Но плач раздавался явственно. Может, тут где-то туристы?

По спине пробежал противный холодок. На руках выступили мурашки. В фильмах ужасов одинокие дети в лесу обязательно сулят что-то нехорошее. А тут еще и развалины. Точно как в американских хоррорах. На ум пришли зловещие призраки, кровавые маньяки. Первой мыслью было бежать.

– Помогите! Помогите! – закричал жалобный голос.

Я, наплевав на страх, бросилась в ту сторону, откуда он раздавался.

Глава 10. Анастасия

Кусты больно хлестали по лицу. Я бежала на детский голос. Ребенок попал в беду. Надо скорее помочь.

– Эй, ты где? – закричала я. – Иду к тебе. Не бойся, сейчас помогу.

– Мы тут! – всхлипнул кто-то из зарослей бересклета. – А вы не баба-Яга?

– Нет, конечно. Нет тут никаких бабок-Ёжек.

– Были. Они громко кричали.

На меня из-за дерева испуганно смотрела девчушка. Она жалобно всхлипывала и размазывала по щекам слезы.

Кем я сегодня только не побывала. И невестой-невинницей и бабой-Ягой. Не знаю даже, что лучше.

– Нет, это были просто люди. Они пели песни, – постаралась успокоить я девочку.

– Так не поют, – заметила девчушка. – Они страшно кричали.

Девочка убедилась, что я не баба-Яга, и вышла из-за дерева. Ей было лет пять. Судя по одежде – городская.

– Помогите мне! – услышала я еще один детский голос.

Он шел словно из-под земли. Я огляделась и не сразу заметила в густой поросли остатки какого-то небольшого сооружения. От него сохранился только кирпичный подвал.

Видимо, это был сарай с ледником. Что-то вроде холо-

дильника девятнадцатого века. Зимой его набивали льдом, а летом хранили продукты. Крыша у сооружения давно обрушилась, перекрытия тоже.

На дне довольно глубокого котлована стоял мальчишка лет десяти.

– Помогите мне, пожалуйста! – он сдерживался, но тоже был готов заплакать.

– Сейчас, – я огляделась, соображая, как его оттуда вытащить.

На дне котлована валялись обломки гнилой деревянной лестницы-стремянки. Похоже, парень начал по ней спускаться, и она обвалилась.

– Ты в порядке? – спросила его. – Кости целы?

– Да, немного поцарапался и все.

– Я позову ваших родителей, – это был самый простой вариант помочь детям. – Где они?

– Далеко... – заревела девчушка. – Мы потерялись...

– Не плачь, – я обняла ее, и она прижалась ко мне. – Сейчас придумаю, как достать твоего товарища.

– Это мой брат.

– Отлично, значит, сейчас достанем твоего брата.

Вынула из кармана платок, вытерла девочке слезы. Она продолжала всхлипывать.

– Теперь вам нечего бояться. Я отведу вас домой.

– Обещаете? – девчушка подняла на меня огромные синие глаза. Они смотрели доверчиво и с надеждой.

– Обещаю.

Сняла с плеч рюкзак, порылась в нем и достала небольшой топорик в кожаном чехле. Всегда беру его в лес. Может пригодиться.

Выбрала подходящее тонкое дерево среди зарослей. По длине должно достать до дна подвала.

Мальчишка оказался шустрым и ловким. Он вцепился в крону дерева, подтянулся, и я смогла вытащить его наверх.

У парнишки были ободраны ладони и сильно порвана штанина на колене. Колено, естественно, тоже ободрано до крови.

В походы, даже короткие, тоже всегда беру небольшую аптечку. К этому меня приучили родители. Обработала парнишке ссадины.

– Тебе очень повезло, что ты себе ничего не сломал и не поранился сильно.

– Я везучий.

– В будущем не стоит на это сильно рассчитывать. Прежде чем залезть куда-то, подумай о последствиях.

Мальчишка ничего мне не ответил.

– Мы хотим есть, – наемкнула мне девчушка. – А вы?

Я достала бутерброды и воду. Дети жадно начали жевать их. Сильно проголодались.

– И давно ты сидел в этом подвале? – поинтересовалась у мальчишки.

Тот полез в карман джинсов и достал айфон последней

модели. Посмотрел на часы. О таком мечтает Ник. Говорит, ему для статуса он жизненно необходим. И куда смотрят родители этих детей? Купили дорожную игрушку и все, не беспокойте нас?

– Почти три часа сидел там, – вздохнул мальчик. – Я пробовал звонить – не ловит. Отец теперь меня убьет.

– Тебя что, родители бьют? – ничего себе, воспитание детей!

– Нет, не бьют. Это я неправильно сказал. Но орать будет сильно.

– Я бы на его месте тоже на тебя орала. Угрозило же вас потеряться! За три часа ваши родители наверняка все окрестности оббегали, пока искали вас.

– Я думаю, пока никто не заметил, что нас нет.

– Быть такого не может.

– Может, я несколько раз ходил на рыбалку на пруд. Никто ничего не заметил.

Хороши родители! Дети гуляют где хотят, а им и дела нет?

Мальчишка дожевал один бутерброд и покосился на второй.

– Бери, бери, – протянула я ему. – И ты тоже возьми, – отдала другой девочке.

Увы, кроме жалких четырех бутербродов и бутылки с водой у меня ничего не было.

– А как же вы? – спросил парнишка.

– Я не голодная, – не умру с голода, а детей поддержать

надо. На сытый желудок и жить веселее.

– Спасибо, – дети продолжили есть.

Как же их сюда занесло? До ближайшей деревни далеко. Пешком что ли дошли? Вряд ли. Тут взрослый замучается топать, не говоря уже о детях.

– Расскажите-ка мне, как вы сюда попали? Куда мне вас проводить? И, кстати, как вас зовут? Я – Ася.

– Я – Макс, а она – Машка.

– Не Машка, – поправила его сестра, – а Маша.

– Итак, как вас сюда занесло? Приехали вместе с родителями?

– Нет, мы сами приехали, – Маша доела бутерброд. – А больше у вас ничего поесть нет?

– К сожалению, нет, – призналась я. И тут вспомнила, что у меня должен был заваляться батончик с мюсли. – Хотя погоди. Вот, – я протянула оставшийся батончик Маше.

– Спасибо, – она разломала его и поделилась с братом.

– Мы приехали к бабушке, – начал рассказывать Макс. – Она живет в «Родных просторах», – понятно, элитный коттеджный поселок, поэтому у парнишки такой крутой айфон. – У нее очень скучно.

– Да, очень, – поддержала брата Маша. – Наша бабушка всегда занята. У нее есть друг, – доверительно сообщила она мне. – Она все время проводит с ним.

Ну что ж, каждая бабушка имеет право на дедушку. Все хотят романтики. Видимо, бабушка так поглощена дедуш-

кой, что ей не до внуков.

– Вчера вечером с нами играл папа, а сегодня он занят на работе, – Маша вздохнула. – Бабушка сказала мне сидеть в комнате, смотреть мультики и не приставать к ней. Я эти мультики уже сто раз видела. Скучно...

– Утром, сразу после завтрака я решил поехать к заброшенному дворцу, но Машку брать не собирался. Я бы вернулся до обеда.

– Погоди, тут нет никакого заброшенного дворца. И никогда не было.

– Я нашел в интернете, что тут может быть клад.

– Не надо верить всему, что пишут в интернете. Так вы на велосипеде сюда доехали? Далеко очень от поселка.

– Нет, на электросамокате. Я его в кустах спрятал на всякий случай. Чтобы никто не утащил.

На самокате по грунтовой дороге? Что-то с трудом верится.

– Но Машка сказала, что расскажет бабушке, – продолжил свою историю Макс. – Она жуткая ябеда.

– Я не ябеда, – набычилась девочка. – Просто мне не хотелось оставаться у бабушки.

– Вот мне и пришлось взять ее с собой. Я сразу нашел этот подвал. Ясно дело, что клад можно спрятать только тут. Тут была деревянная лестница. Я начал по ней спускаться, а она развалилась.

– Чудо, что ты ничего себе переломал, – заметила я. –

Нельзя уходить одним из дома, да еще забираться так далеко от жилья. Не окажись я тут случайно, сидели бы вы в лесу очень долго. Сюда редко кто навевывается. Вас могли и до ночи не найти.

— Это я уже понял, что тут никого нет. Мы звали на помощь, только нас никто не слышал. Я чуть не охрип. А потом начали кричать тетки. Мы испугались. Я подумал, что это ненормальные.

— Уверена, бабушка уже позвонила вашим родителям, — какая бы бабушка ни была, не может она не заметить, что внуки куда-то пропали. — Они теперь с ума сходят от волнения. Ищут вас.

— Может, она еще нас не хватилась? — с надеждой заметил Макс. — Хотя если сейчас не хватилась, в обед все равно увидит, что нас нет...

— Вот-вот. Из-за твоего необдуманного поступка родные будут сильно переживать. Хорошо, что все обошлось. Ты на будущее запомни и больше так не делай. Вы же могли просто упасть с самоката, сестра могла пораниться.

— Я отлично вожу. Даже квадрацикл могу. Только папа мне одному ездить на нем не разрешает.

— И правильно делает. Покалечиться можно очень быстро. А лечиться долго. И вообще вы могли каких-нибудь хулиганов встретить. Отобрали бы у вас технику, напугали бы твою сестру. Хорошо было бы?

Мальчишка опустил голову и задумался. Кажется, до него

дошло, что все могло завершиться очень плачевно.

– Потом приехали ведьмы. Они громко кричали, – Маша опасливо оглянулась по сторонам.

– Нет, Маша, это были обычные женщины. Немного странные, но не злые.

«Просто дуры», – хотелось добавить мне, но из педагогических соображений я промолчала.

– Представляю, как сейчас переживает ваша бабушка. Наверное, места себе не находит.

– Да она и не заметит, что нас нет, – заверил меня Макс. – Машка же сказала, она занята.

– А родители? Про них ты подумал? Мама, папа, они же за вас переживают.

– Мама живет не с нами, – равнодушно заметил мальчишка. – А вот папа разозлится, когда узнает. И будет мне долго вдалбливать, что я безответственный, безалаберный, ну и все в этом роде. Весь мозг вынесет. Нам надо до обеда домой вернуться.

– До обеда вы уже не успеете.

– Значит, бабушка позвонит папе, – парнишка сник.

– Ой, что будет! – всплеснула руками Маша.

– Вот папа точно расстроится. Только сам виноват. Не надо было нас к бабушке отвозить.

– Где ваш самокат? – спросила у детей.

Макс повел меня к зарослям. То, что я увидела, на электросамокат походило мало. Видела такие в городе и завидо-

вала. Удобная штука – небольшие широкие колеса, два сиденья. Отличная вещь. Рядом лежали яркие каски. Тут дети молодцы, соблюдают технику безопасности.

Мальчишка пощелкал тумблером и печально вздохнул.

– Вот засада! Забыл его выключить. Аккумулятор разрядился...

– Молодец, – к подобному повороту событий я была готова. Не может все происходить легко и гладко.

– Ну, не подумал, что мы тут надолго застрянем. Бывает.

– Думать надо всегда. Придется ваш самокат оставить здесь. Нам идти далеко, а с ним вообще добираться будем до ночи. Прикроем его ветками, а потом с отцом сюда вернетесь и заберете его.

Я нарубила молодой поросли, которая в изобилии росла вокруг ледника. Макс завалил ветками самокат.

– Ну что, в путь? – я собрала рюкзак.

– У вас что, машины нет? – удивился парнишка. – Я думал, вы шутите, что мы пешком пойдем.

– Не шучу.

– Машины же у всех есть. У бабушки две, у папы тоже.

– А у меня ни одной. Пошли. Идти пешком долго, это вам не на машине или электросамокате ехать.

Засунула за пояс топорик. Может, пригодится еще. Вышли из зарослей на тропинку. Прошли мимо того места, где меня избрали невестой. От костра поднималась тонкая струйка дыма. Похоже, я не слишком хорошо затоптала его.

Для надежности засыпала кострище землей.

– В лесу нельзя разводить костры. А уж если так получилось, надо за ним следить.

– И обязательно выключить, – вставила Маша.

– Погасить, – поправил сестру Макс. – Дворец тут был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.